

Звезды
НОВОЙ
ФАНТЕЗИ

КНИГА ПРЕВРАЩЕНИЙ

ЛЕГЕНДЫ КРАСНОГО СОЛНЦА
Книга 3

МАРК ЧАРАН
НЬЮТОН

18+

Легенды красного солнца

Марк Ньютон
Книга превращений

«Азбука-Аттикус»

2011

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-445

Ньютон М. Ч.

Книга превращений / М. Ч. Ньютон — «Азбука-Аттикус»,
2011 — (Легенды красного солнца)

ISBN 978-5-389-12371-7

Древней столице отовсюду грозят опасности. Оледенение гонит к стенам Виллджамура толпы беженцев со всех краев Уртиканской империи. Стоило легендарной Ночной Гвардии уйти в поход, как активизировалось анархистское подполье, превратившись в силу, с которой вынужден считаться новоиспеченный император Уртика. Кровожадные и безжалостные пришельцы из иных измерений проливают моря крови, захватывая все новые территории империи и приближаясь к Виллджамуру. Чтобы противостоять бунтовщикам, окопавшимся в нижних районах города, император Уртика приказывает организовать группу защитников, наделенных сверхспособностями, – Рыцарей Виллджамура. Координировать их работу призван следователь-румель Фулкром. Его задача серьезно осложняется, когда он понимает, что испытывает привязанность к одной из Рыцарей... А тем временем в Виллджамур прибывает жрец Ульрик. Изучая древние тексты, он обнаружил, что подлинная история сотворения мира и человека в корне расходится с официальными догмами. В столице он надеется отыскать «Книгу превращений», благодаря которой сможет вернуть ффа Меркури – подлинного создателя этого мира. Только ффа Меркури под силу остановить вторжение пришельцев, использующих людей в качестве строительного материала...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-445

ISBN 978-5-389-12371-7

© Ньютон М. Ч., 2011
© Азбука-Аттикус, 2011

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	12
Глава третья	21
Глава четвертая	31
Глава пятая	33
Глава шестая	35
Глава седьмая	45
Глава восьмая	52
Глава девятая	58
Глава десятая	64
Глава одиннадцатая	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Глава первая

Геройствовать было совсем не время. Однако под многоцветными знаменами священного града Виллджамура, под властью нового императора, на ледяном северном ветру, пробиравшем до костей даже в путанице узких городских улочек, явно что-то затевалось.

Семеро человеческих подростков фланировали у ворот, преграждавших путь на уровень выше.

Мелкий дождь наполнял влагой ущелье между двумя стенами древних трех-четырёхэтажных домов с выпирающими бревнами деревянных каркасов – на каждом выступе покачивалась декоративная корзинка, зачастую всего лишь с двумя-тремя вялыми цветками тундры.

Сидя верхом на лошади, следователь Фулкром наблюдал за передвижениями подростков: их первый проход явно имел целью выяснить, сколько солдат охраняют ворота, а заодно, может быть, и проверить, в каком расположении духа они находятся. Ну и немножко подразнить. То, что эти парни забрались так высоко, – уже удача при нынешней политике властей. А они в своих мешковатых штанах и куртках с вошными капюшонами еще и расхаживают так нагло у солдат под носом, точно вот-вот учинят скандал. По крайней мере, они делали все, чтобы охрана именно так и подумала.

Однако следователь Фулкром, гневной румель молодого возраста, сразу понял, что цель у них совсем не та. Соприкасаясь по своей работе с городским подпольем, он уже видел подобное раньше – преимущество, которым простодушная стража явно не обладала. Нет, эти юнцы – обычная подсадная утка, кишка у них тонка открыто бросать вызов страже. Ну погогочут, посвистят, пообзываются обидно, покажут солдатам парочку вызывающе-грубых жестов, не больше; главное дело наверняка будут делать не они.

«Но если они не нарываються на драку, то зачем они здесь?»

Около дюжины вооруженных мужчин и женщин в серых с малиновым плащах городской стражи угрюмо разглядывали их из-за массивной кованой решетки покрытых ржавчиной ворот. Фулкром сразу понял: они и так уже раздражены тем, что приходится торчать под дождем все дежурство, а тут еще эти молодые засранцы со своими выходками.

Другая группа подростков толкалась в проеме тяжелой двери пустующей таверны. «А эти тоже часть представления?» Парнишки громко болтали, тыкая пальцами в лист пергамента на деревянной двери. Фулкром знал, что это очередной опус Мифо Творца – неизвестного, который время от времени развешивал по городу свои нарисованные от руки истории. В последнее время они стали здесь редкостью – да и в других местах тоже. Обычно пергаменты появлялись у школ или там, где часто собирались дети, почему теперь Фулкром и заподозрил, что эти листы могут иметь отношение к тому, что сейчас случится.

Шоу между тем продолжалось: второй нахальный проход юнцов мимо ворот не вызвал должной реакции у стражи.

Городские мостовые уже не представляли такой опасности для пешеходов, как прежде, – изобретенная культистами далекого Виллирена технология обработки льда соленой водой покончила с гололедицей, так что подростки спокойно расхаживали туда и сюда прямо на виду у стражи.

Скользнула какая-то тень, за ней последовал порыв ветра: это пролетела, напоминая о своем присутствии, гаруда. Фулкром проследил ее полет между шпилями Виллджамура, главной отличительной чертой города. Строения постарше опутывало кружево лесов и подвесных лестниц, приспособленных для строителей и культистов, которые осуществляли обширную императорскую программу Возрождения. Улицы вокруг Фулкрома были почти пусты: кучки зажиточных граждан, обитателей пятого городского уровня, переходили от

магазина к магазину, и все. Да еще возле затемненных витрин быстро и ювелирных лавок несли службу солдаты частной корпорации «Шелби», которых он раньше здесь не замечал. Горбатые мощные переулки, ведущие прямо в сердце огромной мрачной крепости Балмакары, резиденции императоров, напоминали толстые набухшие вены. Вдруг пернатый страж взмыл вверх, на миг завис в пелене дождя, а затем опустился на высокий декоративный мостик, откуда стал наблюдать за разворачивавшейся внизу сценой.

Фулкром тронул поводья, направляя своего коня вперед, чтобы сократить дистанцию между собой и воротами. Вообще-то, ему уже давно следовало быть в офисе, где его ждали десятки неоконченных дел о крупных ограблениях, но ему очень хотелось посмотреть, чем все кончится, и его хвост от возбуждения так и ходил ходуном. Ему было всего пятьдесят лет – сущий мальчишка, по инквизиторским стандартам, – но отличить подставу от настоящего дела он умел.

«Жалко, что стражники этого не умеют... И где только их берут, таких бестолковых?»

Ему очень хотелось вмешаться, но в среде правоохранителей это считалось нарушением этикета. Возникла пауза, во время которой он рассеянно обмахнул свои сапоги от грязи и поправил малиновый плащ.

Меж тем вокруг него стала собираться небольшая толпа, любопытные подходили к воротам, чтобы узнать, что там происходит. Десяток женщин в линиях платках и мужчин в меховых телогрейках и воцеленных плащах скоро превратились в сотню: люди чувствовали, что здесь затевается нечто, способное взорвать монотонность повседневной жизни Виллджамура. Горожанам наскучило бродить перед закрытыми воротами: заседание Совета было в разгаре и ворота, ведущие на верхний уровень, были заперты.

Тем временем нахальные подростки зашли уже на третий круг и вдруг начали швырять в стражников камнями, чем вмиг потушили все смешки и улыбки на лицах собравшихся. Но камни либо со звоном отскакивали от решетки, либо шмякались в стену слева и справа от нее.

– А ну брысь отсюда, гаденыши! – рявкнул на них солдат-ветеран. Щетинистый и крепко сбитый, он, похоже, побывал не в одной потасовке. Вот и теперь его меч со звоном скользнул из ножен.

Один юнец выскочил вперед и, широко расставив ноги, поманил стражника к себе, чем вызвал невыразимое веселье своих товарищей.

Кланк-кланк-кланк – защелкал подъемный механизм, ворота поползли наверх, и юнцы, переглянувшись сначала между собой, завертели головами, точно высматривая кого-то на улице.

Фулкром проследил направление их взглядов, но ничего подозрительного не заметил. Значит, ищут отходные пути.

«Так что же тут затевается? И когда оно начнется?»

Стражник схватил дразнившего его юнца за ворот, швырнул на землю и приставил к горлу мальчишки меч. Из-за шума вокруг Фулкром не слышал слов, но продолжал следить за остальными, которые все также вертели головами. Какая-то женщина завопила страже, чтобы они оставили мальчишку в покое.

Вдруг из-за поворота вылетели четыре всадника в черных плащах и, раздвигая крупами своих вороных туман и мелкую морось, понеслись к воротам. Взмахнув мечом, передний всадник снес ветерану голову, и она бесполезно шлепнулась на мостовую рядом с трупом, из шеи которого хлестала кровь, – мальчишка у него в руках от омерзения даже взвизгнул. Остальные юнцы уже смотались.

Еще трое стражей встали на пути у всадников с черными шарфами на лицах, но те смели их, точно мусор, и один за другим нырнули в ворота. Солдатам с той стороны тоже досталось: одного затоптали, другого придавили к стене, так что он завизжал, еще двоих

разбросали в разные стороны мощным фиолетовым лучом, который прожег большие дыры в их плоти.

Толпа у ворот билась в истерике.

«Культисты?»

Фулкром выхватил самострел, зарядил его, пришпорил свою белую кобылу и замесился в толпе, стараясь успеть, пока не закрылись ворота.

Наконец он нашел просвет в рядах обступивших его людей, ринулся туда и через секунду уже мчался за черными всадниками следом. По бокам от него скакали двое солдат из городской стражи, зимний ветер сек им лицо.

Копыта гремели, точно молоты по наковальне.

Семь коней несли своих всадников по ущельям улиц, то и дело вырываясь на относительные просторы людных иренев. Покупатели с визгом бросались врассыпную, а продавцы ругались на чем свет стоит, когда их дешевые товары сыпались на затоптанную мостовую. Тем, кому особенно не повезло, ломали руки или ноги, но Фулкром, не обращая внимания на стоны и вопли, несясь вперед, впившись глазами в коридор, который проложили в толпе чужие кони, а его сердце колотилось так, словно в этой погоне он сам был не всадником, а лошадью. Те, кого он преследовал, были отличными наездниками, а главное – они явно гнали своих коней не наугад.

«Они знают, куда едут, – подумал Фулкром. – Все это спланировано заранее».

Тем временем в тучах открылась прореха, и в нее хлынули потоки света, янтарем заливая окружающие дома. Погоня карабкалась все выше и выше по узким улочкам верхнего Виллджамура, ирены остались позади, над головами всадников то и дело мелькали многоцветные висячие сады, мелькали и пропадали покрытые лишайниками статуи. Теперь бок о бок с Фулкромом скакали уже не двое солдат, а куда больше, и откуда-то спереди раздавался тревожный набат. Фулкром на ходу выкрикивал направление, надеясь, что солдаты смогут перехватить всадников в черном, но ничего не вышло – молодые неопытные наездники едва не покалечили своих лошадей, заставляя их с налету огибать невероятно острые углы.

Вдруг один из скакавших впереди повернулся в седле – в руке у него было какое-то самодельное устройство, из которого он послал в преследователей две фиолетовые молнии. Фулкром успел увернуться. Солдату слева от него обожгло руку; вторая молния подсекла ноги коню другого, и тот вместе с всадником рухнул на мостовую. Фулкром испугался, но тут же задавил свой страх: кем бы они ни были, их надо остановить, это очевидно.

Погоня вырвалась на простор еще одной площади и продолжалась там: пронзительно вопили богато одетые женщины, а их мужья стояли как вкопанные и очумело хлопали глазами, глядя на эту суету среди мирного солнечного утра.

– С дороги, с дороги, прочь с дороги! – орал Фулкром, выставив для равновесия хвост. Военные давно отстали, да и сам он едва не вылетел из седла, когда его кобыла шарахнулась в сторону, огибая двух женщин с корзинами. На миг ему показалось, что он потерял четверых бандитов, но тут же снова увидел их впереди. Те заметно сбавили скорость, направив своих коней на легкий воздушный мостик.

Затаив дыхание, он последовал за ними: эта дорога вовсе не предназначалась для верховых. Узкая и ненадежная, она соединяла между собой две платформы на манер переброшенной через пропасть шаткой доски. Вокруг раскинулся городской ландшафт: знаменитые шпили и лоснящиеся от влаги сланцевые крыши, барочная архитектура, легендарные архитектурные громады.

Если он упадет, то наверняка погибнет.

Его кобыла, медленно переставляя ноги, перешла на другую сторону, и лишь когда ее копыта снова коснулись земли, он пустил ее в галоп по ненадежной почве, где действие

культистской воды уже сходило на нет. Однако Фулкром понял, куда именно двигались всадники: к Колокольной башне Джорсалира. Туда, где должен был заседать Совет.

Достигнув улицы дорогих коттеджей – высокие беленые постройки с соломенными крышами, увешанные корзинками для цветов, предназначались для ушедших в отставку офицеров, – разбойники спешили. Оттуда начиналась другая дорога: она сначала петляла вверх по склону большой смотровой террасы над тундрой, а потом терялась из виду за перевалом.

Фулкром тоже слез с седла и подошел ближе. Всадники были в капюшонах и одинаковой черной одежде.

Фулкром вытащил меч.

– Незнакомцы, назовите свое дело. – Его голос почти затерялся в городском шуме.

– Я бы на твоём месте держался от нас подальше, брат.

Из-за шарфов, закрывавших их лица, Фулкром не мог понять, кто говорит. Голос был низкий, басовитый, с любопытным акцентом – явно откуда-то с дальних островов.

Кажется, он был в самом центре группы и говорил, не оборачиваясь.

– Что вам здесь нужно? – Фулкром подошел ближе и ткнул пальцем в мешок, в котором рылся бас.

Тот обернулся и командирским тоном ответил:

– Брат, я же сказал тебе – отойди подальше.

Фулкрома вдруг осенило: его еще не убили и даже не пытались, хотя какое сопротивление он мог оказать им в одиночку?

«Им нужен свидетель».

– Именем Инквизиции приказываю: остановитесь и откройте свои лица! – рявкнул Фулкром. И вытянул из-за пазухи золотой медальон с изображением тигля.

– А если мы не послушаемся, что ты нам сделаешь? – С этими словами бас обернулся и бросил Фулкрому под ноги что-то вроде монеты, которая, впрочем, тут же исчезла, точно растворившись в воздухе.

Фулкром инстинктивно отпрянул, но ничего не произошло. Он снова шагнул вперед и тут же наткнулся на что-то... невидимое. Вытянув руки, он стал ощупывать преграду между собой и бандитами, а тот, кто бросил монету, смеялся себе в шарф.

Так что Фулкрому ничего не оставалось, как только смотреть. В ярости он даже ударил кулаком по невидимой стене, но безрезультатно.

– Ваши имена? – продолжал требовать он, вынув из ножен свой меч и пробуя прорубить им проход в препятствии – точнее, в его отсутствии, – но клинок только отскакивал от пустоты.

Минуту спустя он уже наблюдал за тем, как бандиты, низко опустив голову и таща мешки на спинах, бегут друг другу в затылок по узкому мостику. Сбавив скорость, они флагирующим шагом пересекли широкую улицу меж зубчатых стен по направлению к Колокольной башне, такой огромной, что ее шпиль, казалось, прошивал насквозь низкое облачное небо. Солдаты, стоявшие на карауле у входа, направились было к бандитам, но те поступили с ними так же, как и с Фулкромом, швырнув им под ноги небольшой диск, который немедленно окружил их стеной непреодолимой пустоты.

«Ага, их тоже не убили – что же они хотят нам показать?»

Бандиты направились к кучке жрецов Джорсалира, но те при виде их повернулись и бросились врассыпную, и тогда они полезли наверх прямо по отвесной стене башни до того проворно и ловко, что без реликвий там явно не обошлось. Их пытались перехватить две гаруды, но луч фиолетового света продырявил обеим крылья, и они камнем свалились вниз.

Фулкром мог только наблюдать за происходящим. Издалека было не очень хорошо видно, но, кажется, бандиты обложили все массивное основание конусообразного шпиля

какими-то устройствами. Разгневанный Фулкром снова забегал вдоль невидимого барьера, то и дело пробуя его на прочность, но не нашел иного пути, кроме как назад, туда, откуда он пришел. Но в той стороне, как ему было известно, дороги к башне не существовало. Он уперся в невидимую стену руками и беспомощно следил за действиями террористов, а пар от дыхания клубился перед его лицом.

Тем временем черные силуэты спустились по каменной кладке вниз и спрыгнули на зубчатую стену – точнее, плавно опустились, словно поддерживаемые какими-то воздушными течениями. Стоя на самом краю стены, они подняли над головами негибкие на вид капюшоны и, оттолкнувшись от каменных зубцов, взмыли над городом и понеслись через туман вдаль не хуже любой гаруды.

Через секунду на Колокольной башне взорвался шпиль; стайей спугнутых птиц полетели в разные стороны кирпичи, врезаясь в стены близлежащих строений, с грохотом падая на крыши. Ужасный взрыв, громкий, как гнев самого Бора, расколочил мост, отчего тот сначала сложился пополам, а затем провалился на следующий уровень. Башня застонала, накренилась и наконец рухнула, растворившись в облаке пыли.

Ее руины еще долго проваливались сквозь весь Виллджамур, с самого верха до самого низа. Строительные блоки и кирпичи соскальзывали в разверзшуюся посреди верхнего уровня бездну, вместе с ними под громкие крики уцелевших туда же съезжали тела обитателей джорсалирского монастыря, и Фулкром скоро потерял их из виду. Еще минуту он беспомощно стоял, отказываясь верить своим глазам. Внизу бегали люди, многие истерически кричали. Он подумал о том, сколько, интересно, советников было в этом здании.

Фулкром повернул туда, откуда совсем недавно пришел, чтобы попытаться найти дорогу вниз, и только тут заметил, что окружавшие его флаги на стенах и шпилях поменяли цвет. Не было больше ни гербов, ни цветов, ни изображений великолепных животных, ни других признаков богатства и власти.

Одни лишь закопченные лохмотья колыхались теперь на ледяном ветру.

Глава вторая

Громыхнул фейерверк, от шума звери забились в углы своих клеток и завывали так, что затряслись прутья. Лан вошла в скудно освещенный коридор с земляным полом под ареной и пошла к клеткам гибридов проверить, в порядке ли они. Было холодно, с полупустой арены вниз долетали отзвуки представления, напоминая ей о бессмысленности ее прозябания в этом балагане.

С одной стороны жалобно мяукнул в своей клетке двухголовый кот. Лан остановилась, сунула руки меж прутьев решетки и стала гладить обе головы сразу, успокаивая полосатика. Животное в полном самозабвении потерлось одним из носов об ее руку. Она бросила взгляд на длинный ряд решеток, тускло блестевших в свете настенных лампад. Как они тут выживают, эти бедные твари, – в неволе, не видя солнечного света и почти без еды?

«Так же, как и мы».

Порции еды становились все скуднее; компенсация издержек на фоне непрерывного снижения доходов, как говорил Астли. Серые брюки и толстая черная рубашка Лан висели на ней, как на колу. И не только из-за того, что пайки сокращали даже артистам, но и потому, что ей было не вмоготу есть, ловя подозрительные взгляды. Как долго она еще сможет продолжать этот обман?

В ее жизни вот-вот должен был наступить переломный момент: что толку оставаться в цирке, который больше не может странствовать? Теперь, когда на дворе Мороз, люди и на улице лишний раз носа не высунут, не говоря уже о том, чтобы податься куда-нибудь на окраину Вилтрийба, города, по своим размерам сильно уступавшего Виллджамуру. Астли выбрал его потому, что Вилтрийб был транспортным центром острова Джокулл: к нему сходились и из него же расходились все пути – грязные, разбитые грунтовые дороги. Даже сейчас, в Мороз, торговцам и путешественникам было не миновать Вилтрийба. Недавно Астли «отпустил на свободу» половину своей труппы, но сборы были так малы, что на них трудно было прокормить оставшихся. Кое-кого из девушек даже продали в проститутки, или в «услужение», как он предпочитал это называть. Лан работала у Астли уже не первый год, но до сих пор не была уверена, знает ли он что-нибудь о ее истинной природе или нет, – слава Бору, ей хотя бы не приходилось унижаться.

«Все страдают, нечего тут ныть».

Астли неустанно твердил, что развлечения нужны людям всегда, даже во время Оледенения, – может быть, даже больше, чем раньше, надо ведь как-то отвлечься от происходящего. «Может, поэтому он и ввел в программу танцовщиц», – с отвращением подумала Лан. «Крошки Астли» уже несколько недель вертели задами и задирали и без того короткие юбочки в перерывах между номерами, разогревая толпу и смягчая жестокие сердца критиков. Потные, невымытые мужики заполняли передние ряды зала и пускали слюни, глядя на корчи полуголых танцовщиц.

«Так вот, значит, как унижают свое достоинство женщины? – думала Лан. – Вот что значит для женщины преуспеть и сделать карьеру на Джокулле, самом просвещенном острове империи? В самых диких племенах мужчины и то проявляют больше уважения к своим женщинам».

Зарокотали в отдалении барабаны, звякнули цимбалы, понесся приглушенный вопль толпы: прямо над ее головой по арене гарцевали «крошки Астли» в умопомрачительно-откровенных нарядах. Нет, девушки были, безусловно, хороши собой и старательно вертели задами, не обращая внимания на свист и мяуканье из зала. Примитивный инстинкт заставлял Лан желать столь же одобрительного внимания, хотя она прекрасно знала, что, если ее тайна раскроется, ей тут же и конец.

Голоса она слышала раньше, чем увидела самих посетителей, которые приближались к ней, неуверенно шаркая по темному коридору. Теперь кто угодно мог спуститься вниз и осмотреть рабочие помещения цирка – на что только не пойдешь ради денег. Вел их, как обычно, сам весельчак Астли в дурацкой шелковой пелерине, со шербатой ухмылкой от уха до уха.

Папаши и мамы приводили своих отпрысков поглазеть на гибридов, о которых ходило столько слухов. Детишки всех возрастов потешались над экзотами: химерами, кроносами и тысячеглазыми куятами; здесь, в цирке Астли, можно было увидеть тварей, которые, как говорили, водились только в мифах. Для Астли они были всего-навсего уродами, легким заработком, но Лан искренне жалела мутантов, чувствуя свое с ними сродство.

Они не виноваты в том, что ни на кого не похожи.

Нет никакой вины в том, чтобы не быть похожим на других.

Лан со злостью глядела на зевак, пока те глазели на гибридов в клетках. Астли взглянул на нее, прищурился и оттолкнул в сторону:

– Ты, свинья, твое дело готовиться к своему номеру, а не прохлаждаться тут с этими уродами.

Лан отпрянула и прошептала:

– Простите.

– Я тебе не за «простите» деньги плачу, – зашипел на нее костлявый замухрышка. – Не будешь слушать – сдам тебя в бордель в аренду. Марш к себе переодеваться.

Лан молчала, стараясь не встречаться взглядом с его выпученными, белесыми глазами маньяка, не видеть его крючковатого носа, пятнистой старческой кожи. Он умел быть особенно жестоким с женщинами – как физически, так и морально, – и Лан неизменно поражалась тому, как женщины привыкают к унижениям и дурному обращению, причем настолько, что совсем перестают возражать и даже не пытаются защититься.

Астли снова вернулся к своим гостям:

– Дамы и господа, внимание: сатир! Нижняя часть тела козлиная, верхняя – человеческая. Поглядите на его рога! Говорят, он равнодушен к вину...

Лан повернулась и зашагала прочь, сначала вниз по каменным ступеням, затем через лабиринт узких коридоров под ареной, куда доносились приглушенные возгласы толпы. Навстречу ей не попался почти никто из артистов. Только Йак, метатель ножей, у кого всегда находилось для нее доброе слово и кто неизменно безуспешно пытался завязать отношения с кем-нибудь из женщин труппы, когда был пьян. Два гладиатора, Претт и Далоин, блестя намаасленными торсами, сжимая в могучих руках короткие мечи, ждали своего выхода. Под конец вечера они обычно изображали смертельную схватку с кем-нибудь из гибридов, а в свободное от выступлений время перещупали уже добрую половину «крошек Астли» по темным углам под ареной. Похоже, что в свободное от работы время артисты только и делали, что пили да трахались, но Лан лишь время от времени прибегала к одному из этих средств забвения, боясь, что обращение к другому может стоить ей жизни.

Пройдя мимо гладиаторов, Лан вошла в гримерную, затворила дверь и позволила себе на миг расслабиться в тишине. Выступления перед публикой утомляли ее, как и вообще необходимость быть среди людей. Только здесь, в тишине и одиночестве, она успокаивалась и восстанавливалась.

Всюду в комнате валялась разбросанная одежда. Облезлые от старости туалетные столики были завалены пошлыми рисунками, безделушками и костюмной бижутерией. Зеркала множили истекающие мягким светом цветные шары фонарей, придавая комнате видимость глубины и бесконечности. С непрозрачной ширмы для переодевания свисали похожие на удавов пестрые шарфы, сброшенные впопыхах трусики и сорочки, на полу сапоги на высо-

ких каблуках перемешивались с фляжками для спиртного. В воздухе еще не развеялся аромат духов.

Лан делила гримерку с парой других артисток – не идеальный для нее вариант, конечно, так как возникали... сложности, но она все же считала, что ей повезло: значит, ее принимают за женщину. Каждый вечер ей приходилось улучать момент, когда ее товарки выйдут или присядут отдохнуть, прежде чем пройти за ширму и начать переодеваться в свой костюм. Как ее до сих пор не раскусили, было загадкой для нее самой. Девушки часто поглядывали на нее с подозрением, насмехались над ней из-за ее роста. Иногда они вдруг принимались выпрашивать, когда у нее были последние месячные, и Лан, чтобы как-нибудь нечаянно не ошибиться в числах, мысленно подстроила свой цикл к циклу одной из насмешниц. Артисты цирка часто перемывали друг другу косточки и редко говорили о других что-нибудь хорошее, что совсем не походило на то чувство общности, которое ожидала найти тут Лан. Конечно, у страха глаза велики, но она была уверена, что товарки начинают сплетничать о ней, стоит ей отвернуться.

С арены докатился гулкий рев. До ее выхода оставалось совсем немного, всего минут тридцать. Она торопливо переделалась – простое темно-синее трико в обтяжку, теплое и не стесняющее движений одновременно. Сегодня у нее сначала канат, а под конец пара минут на трапеции.

Спохватившись, что времени осталось уже совсем мало, она выскочила из гримерки, повернула за угол и понеслась вверх, перемахивая через две ступеньки за раз, – и вдруг замерла на полушаге, едва не налетев на незнакомца, который стоял, уставившись на клетки с гибридами.

На нем было несколько слоев одежды кремового цвета, объемный капюшон оставлял видимым лишь щетинистый подбородок.

– Вы заблудились? – спросила его Лан.

– Все они, попросту говоря, чепуха на постном масле, – объявил незнакомец, обводя рукой клетки с гибридами. – Генетические уроды, только и всего. Сбои природных механизмов. Они не настоящие гибриды.

– Что, простите? – удивилась Лан.

– Я говорю, что ваше знаменитое фрик-шоу нисколько меня не впечатляет.

Его акцент поразил ее своей необычностью, хотя он и говорил сердито, да и его жесты, если приглядеться, тоже производили впечатление наигранности и чрезмерности.

– А, вы хотите получить назад деньги, – догадалась Лан. – Сомневаюсь, чтобы Астли...

– Деньги не имеют для меня значения, – перебил он ее. – Я приехал сюда изучать гибридов – любоваться новыми существами, искусно созданными из двух или трех других методами сращивания встык и привоя. И что же я нахожу здесь? Фальшивых уродов, таких, что и в природе встречаются получше. Да я своими руками могу понаделать таких тварей, что любо-дорого поглядеть.

Лан вдруг овладело любопытство.

– Значит, вы делаете гибридов?

– Мое имя Кайс, я из ордена Хирургии, – объявил он с гордостью, все еще не сводя с бедных уродов презрительного взгляда.

«Культист», – подумала Лан.

– А что у вас за специальность... медицинская? Мне показалось, вы сказали «хирургия».

– Хирургия, не хирургия. Я меняю анатомию. Произвожу трансформации. Теоретически я могу заменить в живом организме что угодно на что угодно. Как я уже говорил, мне случалось своими руками...

– А людей вы тоже меняете? – спросила она осторожно. Не проходило и дня, чтобы она не думала об этом.

Кайс наконец отвернулся от клеток и в первый раз посмотрел прямо на нее. Его тонкое овальное лицо со свежей, чистой кожей отличалось благородной изысканностью черт. Утонченность присутствовала в его полных губах, ясных голубых глазах, вообще во всей его наружности и жестах. Лан разглядела, что волосы у него под капюшоном светлые и короткие и торчат иголочками.

– А, так ты, значит, тоже из этих, – протянул он и небрежно отвернулся.

– Из каких «этих»? – спросила Лан. – Эй, я вас спрашиваю, не притворяйтесь, будто не слышите.

Но Кайс больше не поворачивался к ней, а только качал головой так, словно все понял:

– Ты хочешь, чтобы я сделал тебя красивой? Тщеславие, одно сплошное тщеславие, как и повсюду на этом острове. А все из-за вашей культуры. Все вы тут, похоже, на один образец.

Не прошло и секунды, а у него уже сложилось о ней свое мнение.

– Нет, – отвечала Лан, отчаянно хватая его за рукав, чтобы снова развернуть к себе. Его взгляд, острый точно бритва, заставил ее разжать пальцы. – Нет, меня интересует, что можно сделать... Я, конечно, не самая красивая девушка в мире, но дело совсем не в этом. Просто вы сказали, что можете менять людей, и я хочу узнать об этом побольше.

– Что касается внешности, то тут я могу все. – Он постучал себя пальцем по лбу и улыбнулся. – Правда, внутри часто все равно остается черт знает что.

– И вы знаете культистскую магию? – спросила Лан.

– Ну конечно, леди. А как еще, по-вашему, можно сделать то, что я делаю? Бору и Астрид помолиться, что ли? – И он негромко усмехнулся.

Гром аплодисментов раздался со стороны арены, напоминая ей о том, что время идет и скоро ее выход. Еще один номер, а потом она... Уже совсем скоро. И может быть, она больше никогда не увидит этого человека.

– Послушайте, мне очень нужно вас кое о чем спросить, – решила она. – Вы говорите, что можете менять людей, но...

На этот раз Кайс слушал ее внимательно.

– Мне нелегко говорить об этом...

Она запнулась. Ей всегда было трудно говорить о себе такой, какой она была на самом деле, смотреть на себя объективно – это выводило ее из равновесия, выбивало из колеи, причиняло боль, с которой невозможно было жить и дышать. Вот и теперь ее сердце колотилось отчаянно, но она все же пересилила себя и выдавила:

– Вы умеете хранить тайны?

Кайс ушел, но велел Лан ждать. Потянулись мучительные дни. Она выступала. «Шоу должно продолжаться». Однако ей было трудно сосредоточиться на чем-либо, и раз-другой за эту неделю она чудом не сорвалась с каната. Астли едва не побил ее за это, предупредив, что если она все же свалится, но шею не сломает, то это сделает он.

Впервые в жизни его угрозы никак не подействовали на нее. Год за годом она жила, обманывая себя относительно своей природы, и вдруг перед ней замаячила возможность чуда.

Наконец посыльные принесли ей письма. Она вскрывала их украдкой, пытаясь избежать завистливых взглядов товарок.

– Может, покажешь нам, детка?

– Завела себе любовничка в городе? Скажи ему, что я его скоро отобью, я ведь куда красивее тебя.

– Пусть приходит с другом, мне без разницы.

Лан, не обращая на них внимания, читала и перечитывала послания Кайса. Первым пришел решительный отказ – то, о чем она просит, невозможно. У нее едва не остановилось сердце, но уже на следующий день она получила от него новое письмо, в котором он сообщал, что передумал и что есть одна новая технология – небезупречная, конечно, и очень рискованная, но это не значит, что не стоит попробовать. Еще через пару дней она получила от него инструкции – прийти в таверну на отдаленной окраине Вилтрииба, где раньше оставалось много приезжих, а теперь многочисленные постоянные дворы опустели, а гранитные здания отелей наводили тоску своим заброшенным и унылым видом. Она ускользнула сразу после представления и, взяв одну из рабочих лошадей, смело пустилась верхом по льду навстречу ветру и снегу. Лишь оказавшись в городе, где по безлюдным площадям гуляла поземка, заглядывая сквозь разбитые витрины в некогда оживленные магазины, она поняла, какой счастливой была, по сравнению с другими, ее собственная жизнь. Торговля на городских иренах почти иссякла, редкие прохожие совершали сомнительные сделки прямо на перекрестках, жрецы проповедовали на улицах, возле бочонков с огнем, одаряя самородками своей мудрости кучки собравшихся погреться зевак. Лошадь с трудом поднималась по обледенелой улице, минуя массивный джорсалирский собор.

Прибыв на указанное место, Лан нашла таверну почти пустой. Это была обычная забегаловка, каких на каждом острове полным-полно, – торговцы заходят туда обговорить условия очередной сделки или пропустить по стаканчику, чтобы обмыть выгодное дельце. В течение ближайших дней укромный уголок рядом с барной стойкой, под сенью разных сельскохозяйственных орудий, украшавших стены, должен был стать местом ее переговоров с культистами.

Они сообщили ей, что старые каналы связи открыты и информация курсирует по Джокуллу из конца в конец, да и по всей империи тоже. Ее главный связной курил самокрутки и каждый раз, затягиваясь, надолго умолкал прямо посередине предложения, отчего разговор тянулся мучительно медленно. Но она терпеливо ждала. Орден Кайса заинтересовался ею. Они предлагали помочь.

На следующую встречу пришли уже сами члены ордена Хирургии, вместе с Кайсом: они расспрашивали ее, не снимая капюшонов, от которых резкие черные тени падали на их лица. Они процедили все ее воспоминания, заглянули в каждый уголок ее души. Она рассказала им все.

– Я всегда была женщиной, – просто объяснила Лан. Эти слова она так часто твердила самой себе, что они стали для нее чем-то вроде мантры. – Дело тут не в выборе, просто я всегда знала, что я – девочка. Это мой истинный пол. В детстве я играла в куклы вместе с другими девочками, одевалась как они, и это казалось мне абсолютно естественным. Наверное, некоторые люди просто рождаются по ошибке не в том теле.

Пока она говорила, они не спускали с нее глаз; но ни разу никто из них не высказал своего мнения.

– Все мое детство, – продолжала она, – отец убеждал меня вести себя «нормально». Он бил меня, иногда жестоко, пытаясь сделать из меня мужчину. Но мне повезло – я получила хорошее образование, хотя и немало издевательств в придачу. Сверстники в школе избивали меня столько раз, что я со счета сбилась. Но отец и учителя не вмешивались, говоря, что это мне на пользу. Когда и это не подействовало, меня начали таскать по культистам, которые испробовали на мне все мыслимые и немыслимые снадобья и методы лечения, стремясь придать мне мужественности. Из школы меня к тому времени уже выгнали, и, сидя дома, я перемерила все мамины нарядные платья. Застав меня раз за этим занятием, родители посадили меня под замок и пригласили жреца Джорсалира, чтобы он изгнал из меня демона. По всей видимости, наша благословенная церковь придерживается того мнения, что человек должен быть либо женщиной, либо мужчиной – в зависимости от анатомии его тела, которая

дается от рождения вместе с душой, и ничего тут не изменишь. Для них весь мир черно-белый.

– Не стоит слишком полагаться на слова жрецов, – буркнул один культист, возможно даже женщина, – в полутемном помещении, в одинаковых плащах и капюшонах, их было не отличить одного от другого, и это странно успокаивало Лан. – Джорсалирская церковь никогда не была... на стороне развития. Грустно то, что они так тесно связаны с властью. И ненавидят людей вроде нас.

«Что ты знаешь о ненависти, разве над тобой издевались так долго?» – подумала она, не в силах удержаться от горечи.

– Ну ладно. В общем, я приучила себя думать, что все это меня не касается. Люди просто боятся того, чего не понимают.

– Одна из главных причин, почему мы, культисты, предпочитаем держаться сами по себе, – сухо заметил Кайс.

– В конце концов я убежала из дома и несколько лет провела в самых отчаянных местах Виллджамура, даже в пещерах пожить успела. Одно время у меня даже была подруга, и мне было хорошо, но я мало что помню о тех днях.

Они по-прежнему молчали и слушали.

– Вам понадобятся для этого деньги? – спросила Лан. У нее были кое-какие сбережения – небольшие, но все же: ее отец успел нажиться на торговле рудой и вел дела в Виллирене. Они не общались последние пять лет до его смерти, и, получив вдруг небольшое наследство, она удивилась, как никогда в жизни. Ее мать умерла от рака годом раньше, других близких родственников не было, и потому, да еще благодаря странности джамурского законодательства – официально она считалась мужчиной, – в ее руки и перешло все то, что осталось от семейной собственности.

– Людям вроде тебя это может показаться странным, но деньги нас не интересуют, – ответил Кайс. – Видишь ли, там, откуда мы пришли, они не пользуются спросом.

– Исла. – Они произносили название своего острова с придыханием, точно ностальгируя по этому магическому месту. Ей подумалось, что там, должно быть, творится немало странного. Еще бы, остров, населенный одними культистами! Она сама буквально грезилась магией.

– Мы с тобой свяжемся, – добавил Кайс, – так что, пожалуйста, никуда не уезжай.

«Больно надо».

Один за другим культисты покинули таверну, наконец вышла и Лан и, глубоко задумавшись, побрела по обледеневшей улице. Расспросы показались ей простой формальностью, она чувствовала, что Кайс уже понял ее нужду и принял решение, но решила не позволять себе слишком надеяться на это.

И снова долгое ожидание, скрашенное все той же рутинной: представление за представлением перед неуклонно редееющей толпой. Сколько их еще ей осталось, прежде чем Астли решит в очередной раз сократить штат?

Вечер за вечером, когда другие артисты расходились спать, она проводила одна у замшелых ступеней амфитеатра, поджидая, не придет ли новое письмо.

И снова морозный вечер, и снова шоу, но на этот раз в дверь уборной постучали и какой-то лысый мужичок, одетый по погоде, велел ей ехать с ним в какое-то тайное место на Джокулле.

– Собери, что тебе нужно для короткой поездки, особенно приготовься к холоду. В восточной части острова много снега. Дороги чертовски небезопасны, мягко говоря.

«Началось».

Лан вернулась в уборную. Кровь стучала в висках, от радости хотелось кричать, но она сдерживалась. Прямо на глазах у бывших товарок она взяла дорожный мешок и начала бросать в него вещи. Одна из девушек процедила:

– Куда это ты намылилась, а?

Лан показалось, что кто-то из них добавил:

– Лесбиянка.

– Мне надо отлучиться ненадолго.

– Представление вот-вот начнется. По-твоему, можно просто взять и все бросить? – Марра, коренастая девица в сверкающем серебристом костюме, встала и пошла к двери, точно намереваясь не дать Лан выйти. Там она остановилась, накручивая на палец темный завиток волос и надувая губы.

– Пожалуйста, не говори Астли, – прошептала Лан, оставляя волосы в покое и с ужасом глядя на нее.

– Ладно, не буду на этот раз, – ответила Марра, демонстрируя редкую для нее человечность, и пофланировала назад, к своему стулу.

Лан и ее провожатый пробирались через замороженный Джокулл в самую глухую часть острова. Ехали они верхом, в одном седле: провожатый впереди, а Лан сзади, уцепившись за его пояс. И везде они видели одно: глубокий снег, перемежающийся с ледяными полями, – жестокая, непригодная для жизни местность. Животные встречались редко, да и как могло выжить здесь хоть какое-нибудь существо, было выше ее понимания. Иногда среди снега и льда вдруг возникали крошечные деревушки с никогда прежде неслыханными ею названиями – Тхенгир, Вальтур; их жители ловили рыбу, морских птиц, искали ушедшие под снег ягоды. Печальное это было путешествие.

Ее компаньон почти все время молчал, в ответ на ее вопросы коротко буркал. Выражение напряженной сосредоточенности не покидало его лица. Как будто он с ним родился.

Культисты знали, какова ее истинная природа, и немудрено, что провожатый относился к ней с нескрываемой враждебностью, – что ж, не он первый. Любая ее просьба встречала у него пренебрежение, он словно обижался на то, что его вообще послали за ней. Но она не ныла и не жаловалась, а, сжав зубы, продолжала идти вперед, лишь бы не говорить об *этом*.

Немота и безлюдье тех мест, которыми они пробирались, оглушали и подавляли ее, ледяной ветер пробирал до костей. Это был совсем другой мир. Много лет она жила среди неумолчного шума: криков и аплодисментов зрителей, воплей зевак, подтруниваний девушек в уборной, резких вскриков животных... Теперь она весь день слушала лишь стук копыт лошади, пока та с трудом несла их по заброшенным дорогам Джокулла, а ночью, когда они разбивали лагерь – свое дыхание. Она не имела ни малейшего представления ни о том, где они находятся, ни о том, куда лежит их путь. И ей было все равно. Главное, что впереди ее ждала свобода.

На вторую ночь, пробираясь через густые заросли кустарника, они въехали прямо в сердце умирающего лесного массива, который, как торжественно известил ее провожатый, именовался Гнилым лесом. Темнота не способствовала успокоению ее нервов. Под пологом деревьев сильно и неприятно пахло сырой разлагающейся растительностью, из-под ног их лошади то и дело вспархивали какие-то птицы, пугая Лан до полусмерти.

Со временем, привыкнув к темноте, она стала различать какие-то белесые огоньки, которые парами маячили вдоль края тропы, ведущей к прогалине; их лошадь инстинктивно направилась к ним. Приглядевшись внимательнее, Лан заметила, что огни имеют форму свечей, только горят они не язычками, как обычно, а крохотными сферами, балансирующими каждая на кончике своего фитиля, – воистину культисты владели самыми поразительными

предметами. Освященная тропа словно разрезала лес надвое, и скоро Лан совсем перестала глядеть по сторонам – ее внимание приковали эти крошечные светящиеся объекты.

– Пора слезать, – объявил ее проводник.

Они подъехали к крохотной церквушке, больше похожей на сарай, чем на место отправления культа; да и служили в нем не женскому и мужскому божествам, Астрид и Бору, а тем таинственным технологиям, которые культисты сделали своей монополией. Все следы джорсалирской резьбы были сметены со стен, их место заняли схематические изображения причудливых инструментов, графики с цифрами и символы.

Следом за провожатым Лан прошла сквозь арку дверей и стала спускаться по лестнице, винтом уходящей под землю; в одной руке она держала узелок с пожитками, другой упиралась в стену, пока наконец не нащупала узкий выступ, на который ей велено было сесть и где она сидела теперь, дрожа, свесив ноги в темноту и прислушиваясь к доносившемуся оттуда нарастающему гудению.

Все произошло очень быстро.

Вспыхнули яркие огни, сделав бессвязными мысли, ее глаза закрылись, точно кто-то рукой опустил ей веки...

И тут же раскрылись снова.

Белый камень, покрытый резьбой, резные колонны и фризы были первым, что она увидела. Огромная замысловатая фреска покрывала весь потолок – на ней был изображен какой-то металлический ландшафт с чудными, похожими на коробочки животными. С минуту она тупо глядела на них, и вдруг у нее начало сводить желудок.

Когда она попыталась встать, упираясь в пол дрожащими руками, оказалось, что на нее со всех сторон смотрят какие-то женщины и мужчины в светлых одеяниях. Она различала их как сквозь туман. Тут Лан сильно затошнило, и одна из женщин поспешно подставила ей ведро. Упав перед ним на колени и вцепившись руками в его края, Лан стремительно освободилась от содержимого своего желудка и, отплевавшись, смущенно оглядывалась, вытирая лицо поданным ей куском чистой ткани.

– Добро пожаловать, сестра.

Лан выпрямилась и тяжело задышала.

– Простите меня... за это. Я не хотела. – «Ну и выход, Лан».

У стоявших вокруг людей были приятные, дружелюбные лица, и она сразу поняла, что они не желают ей зла.

– Все в порядке, сестра, – прозвенел один голос.

– У такого метода передвижения есть свои побочные эффекты, – пояснил другой. –

Когда ваше тело выхватывают из одного пространства и тут же перемещают совсем в другое, оно невольно реагирует подобным образом.

Они напомнили ей хор на сцене, поясняющий перипетии пьесы.

– Где я? – спросила она.

Чувственные ароматы и теплый свет сочились из невидимых источников; помещение выглядело ультрасовременным. Разглядев лицо Кайса, единственное знакомое ей здесь, она направилась к нему.

– Исла, – сказал он. – Добро пожаловать на Ислу.

Она сразу вспомнила его голос, его особые интонации. Стоя чуть в стороне, Кайс наблюдал за тем, как собравшиеся изучали ее и даже делали наброски. В комнате стало шумно, когда вошли еще местные, желающие рассмотреть незнакомку, эту пришлицу извне.

– Д-да, конечно, – выдавила Лан, и тут же на нее с новой силой нахлынули воспоминания о том, что привело ее сюда. При мысли о том, что она тут в качестве экспоната, объ-

екта причудливого эксперимента, ей стало так нехорошо, что у нее подогнулись колени и она чуть не упала.

Но Кайс успел вовремя: подхватив ее за плечи, он с силой поставил ее на ноги, и она удержала равновесие. Затем он перекинул через плечо холщовый мешок с ее пожитками, и они вдвоем вышли из зала, а толпа расступалась перед ними, давая пройти.

Когда они поднимались по ступеням к выходу, ее ноги подкосились еще раз. Но, добравшись до верхней площадки лестницы, она вдруг почувствовала, что ее охватило тепло, а в глаза ей брызнул яркий свет, немыслимый в ее сумрачном и холодном мире...

Над Ислой было безоблачное небо.

Глава третья

Несколько дней спустя она сидела на сверкающем белом песке пляжа, в розовой дымке заката.

Галька. Длинные пряди водорослей. Меч, утонувший в песке до половины, рукояткой к небу. Чуть дальше высоченные решетчатые конструкции из металла. Их было много, их силуэты истаявали вдаль – изящные монстры, ненужные пережитки прошлого, мирно ржавеющие на покое.

Таковы были первые образы, запечатленные памятью Лан, после того как туман в ее голове рассеялся под натиском шума волн и резких запахов моря. Ветерок приятно охлаждал кожу; подумав об этом, она тут же оглядела себя. Босые ноги, штаны цвета хаки, белая рубашка с длинными рукавами – она не сразу узнала эти вещи, они не принадлежали ей, не были ею, но скоро она вспомнила.

«Все случилось так быстро...»

Ее новое тело болело. При каждом движении мышцы словно сводило судорогой, и, хотя никаких кровоподтеков, вопреки ее ожиданию, на ней не было, боль не ослабевала. Конечно, Кайс предупреждал ее, что так будет, но предупреждения – одно, а реальные ощущения – совсем другое. То, что она испытывала сейчас, было побочным эффектом колдовства – хоть Кайсу и не понравилось бы это слово. Она жила в фантастическом, выдуманном мире, во сне, в который никак не могла поверить. Кайс объяснял ей, что к этому тоже надо привыкнуть и что ей еще долго придется изживать комплексы, накопленные за годы разочарований и обид, учиться побеждать свою застенчивость, мешающую ей общаться с другими.

Потому что теперь она сама стала другой.

Прикрыв глаза ладонью от яркого света, Лан толчком села, чувствуя, как осыпается с ее рук налипший на них песок. Она так и не привыкла к здешним температурам, к этому ласкающему, благоуханному теплу. Она ко многому не привыкла.

Неподалеку двое туземцев-цефов орудовали веслами, направляя свою лодку к берегу с намерением пристать. Гребли они чудно. Эти светлокотие и безволосые существа были совсем как люди во всем, за исключением рук. Руками им служили щупальца, длинные, по несколько футов каждое, темно-багровые с розовыми присосками. Вот и теперь эти щупальца то сворачивались кольцами, то снова распрямлялись, и все это под аккомпанемент чмокающих присосок.

Пристав, цефы выволокли из воды сеть, полную рыбы, и потащили ее через заросли тростника и осоки на пляж. Они были голые по пояс, нижние части тел прикрывали мешковатые штаны, но, глядя на них, Лан не видела границы между человеческим и осьминожьим в их телах, настолько тонок был переход. Лан считала их творениями культистов, пока Кайс не объяснил ей, что это природные существа, представители аборигенных племен Бореальского архипелага. Пока на самых крупных островах десятки тысяч лет доминировали люди и румели, эти простодушные существа укрывались на Исле и других, еще более далеких от центра империи островах, где продолжали вести простое и мирное существование.

Лан с наслаждением вдыхала чистый воздух и ни о чем не думала, просто любовалась величественными движениями гибких щупальцев цефов, которые горстями вытаскивали из сетей рыбу или подбирали на берегу массивные, выброшенные морем куски плавника для починки своих жилищ.

«Я умерла?»

Она встала и сделала попытку потянуться, за что тут же была наказана резкой болью в мышцах. И улыбнулась.

«Нет, я жива, точно».

И начала сгибать и разгибать руки, разгоняя боль.

Повернувшись спиной к морю, она стала рассматривать город вдаль – скопление камня, растений и металла. Живые деревья были его неотъемлемой частью, и все же город высился над ними, доминируя над всем окрестным пейзажем.

Вилларбор, лесной город.

Кайс называл его мегаполисом древесных крон, среди которых время от времени мелькали магические вспышки, но ей казалось, что колдовство присутствовало в Вилларборе постоянно. Она была почти без сознания, когда попала сюда, и с тех пор повидала тут немало странного и тревожного. Все здесь казалось ей бессмысленным, до того чужд и непонятен был для нее местный образ жизни. Магия пронизывала хитросплетения городских улиц. Жилища и общественные здания были устроены на стволах и даже внутри стволов гигантских деревьев, каждое из которых было целым поселением само по себе.

Каждая магическая вспышка, сопровождавшаяся далеким раскатом грома, заставляла Лан вздрагивать всем телом.

Думая обо всем этом, она медленно брела по пляжу, плавной дугой огибавшему мыс.

«Какая прекрасная жара, – мелькнула у нее мысль. – Ни за что не хочу больше возвращаться на Джокулл с его жутким Морозом».

Дальше по берегу она заметила одинокую фигуру. Кайс сидел на скале, куря самокрутку. На нем был кремового цвета наряд. Запах его табака чувствовался даже издали. Она подошла к нему, с удовольствием ощущая, как песок при каждом шаге протекает у нее меж пальцев.

Он оглядел ее с головы до ног, погладил рукой подбородок. Она уже знала, что он просто анализировал ее анатомию и никакой сексуальной подоплеки в его взгляде не было. Чисто научный интерес.

– Греешься на солнышке, значит, – сказал Кайс.

– Вроде того. Эти цефы – чудной народ, правда? Там, откуда я родом, таких нет.

Кайс сдвинул брови, оглядывая цефов издали, но никак не отреагировал на ее слова. Потом потер руки и сказал:

– Ты очень хорошо выглядишь, Лан, я серьезно. Хотя ты и раньше была в отличной форме – сейчас, когда столько людей голодают из-за Мороза, это не о каждом можно сказать. – Несмотря на причудливый акцент, его голос звучал так уверенно, словно он изрекал истины в последней инстанции, и знал это он сам или нет, но именно его слова помогали ей залечить душевные раны, против которых была бессильна его наука.

– Значит, мне уже пора? – спросила она. – Мне бы так хотелось пожить здесь еще немного.

– Мы уже все сделали, я – по крайней мере, – ответил он. – На Исле нельзя находиться без особой причины. Поэтому, к сожалению, тебе придется скоро отбыть. Тебе просто нельзя тут задерживаться – не столько ради нашего, сколько ради твоего блага.

Лан и сама так думала.

– Утром?

– Да. – Кайс спрыгнул со скалы, его кремовый плащ затрепетал на ветру. Маррамовая трава взерошилась на гривках дюн, в небе откуда ни возьмись появились чайки, описали круг и полетели дальше вдоль берега.

– Сегодня вечером будет праздник – культурное событие одного из наших орденов. Если хочешь, приходи, только, пожалуйста, постарайся поменьше болтать с другими.

– Ради моего блага? – продолжила за него Лан.

– Именно. – Кайс повернулся к ней спиной и через пляж пошел к городу, Лан за ним.

Все подходы к Вилларбору окаймляли заросли деревьев и цветов, нехарактерных для архипелага. Одни с острыми макушками, как шпильки, другие, наоборот, с плотными кожистыми листьями, третьи – взрыв ярких красок. Тяжелые крупные насекомые – почти чудовищные по размерам – гудели в листве тут и там, неуклюже сшибая в полете мелкие веточки. Другие бурили отверстия в коре, и было видно, как раздуваются их жилковатые подбрюшные мешки, наполняясь древесным соком.

Вымощенная камнем дорожка была хорошо ухожена, небольшие команды из мужчин и женщин регулярно сметали с нее сор. А еще они, пользуясь какими-то странными реликвиями в форме арбалета, подравнивали растительность, чтобы она не заполняла пространство над тропой, – это делалось с минимумом усилий, но как именно – понять было невозможно.

Лан не понимала, как на острове, где не существует денег, находятся желающие выполнять подобную работу, но они все же находились. «Разве за такой труд не положено платить?» Увидев ее, работники бросили свои дела, окружили ее и заговорили с ней, причем ей приходилось напрягаться, чтобы разобрать их акцент. Стараясь побороть свою всегдашнюю застенчивость, она вымученно улыбалась. У них у всех были яркие одежды, сшитые из разноцветных клочков материи, вроде костюма арлекина. Причем нельзя было найти и двух людей в одинаковом платье, наряды и мужчин, и женщин были уникальны, а в волосах у всех были цветы, – видя это, она недоумевающее хмурилась, ведь на Джокулле прически украшали цветами только женщины.

Кайс дал им поболтать с ней немного, а потом решительно развернул ее в сторону Вилларбора. На прощание она махнула им через плечо.

Немного погодя она спросила:

– У нас есть причина для спешки?

– Они способны проболтать с чужаком целый день, – ответил Кайс. – У нас здесь нечасто бывают такие, как ты, – простые люди из империи.

– Почему же? – спросила Лан.

– Потому что так проще, – был его ответ.

– Ты и в прошлый раз это говорил.

– Может быть, – сказал он без всякого выражения. – Просто нас учили, что пришлые люди развращают, а я хочу, чтобы наше общество оставалось гармоничным, вот и все.

– Еще один вопрос, – сказала Лан.

– Всего один?

Она молча усмехнулась.

– Я понимаю, прости. Просто для меня здесь все так необычно.

– Что ты хотела спросить?

– Почему тебя отпустили с острова? Здесь все так интересуются мной, но никто, похоже, никуда не уезжает.

– Немногие хотят уехать. Никто, конечно, не запрещает, но, слыша о том, как много трагедий происходит на Архипелаге, никто не хочет ехать туда.

– А ты... Почему ты путешествуешь?

– Мой опыт и мои чувства отличаются от опыта и чувств остальных, – сказал он и прибавил шагу, пока она не успела задать новый вопрос.

Теперь их окружала возделанная земля. Разные оттенки зелени, должно быть, соответствовали разным породам зерновых, которые росли на небольших участках, так не похожих на необозримые поля огромных хозяйств на Джокулле. Между ними виднелись либо группы домов, либо рощи, густые от странных ползучих растений с многочисленными плодами.

Солнце уже клонилось к закату, но было все еще очень жарко. Кайс говорил, что погодой на Исле управляют культисты. Пока повсюду на Архипелаге мели метели, ветер гнал

тучи, земля покрывалась льдом, здесь небо всегда оставалось ясным, а погода – теплой. Неудивительно, что культисты не спешили никого пускать на свой остров.

Ей даже довелось видеть процесс управления погодой, но она ничего в нем не поняла. На вершине холма стояли люди и держали какой-то механизм, направленный в небо, а на соседнем холме то же самое делала другая такая же группа – получался тандем. Исходившие от устройств лучи пурпурного света вгрызались в мягкое нутро любого некстати возникшего облака, пока не рассеивали его полностью, а если облаков не наблюдалось, то свет просто уходил в глубину небес. Чем бы ни были заняты эти люди, их действия, очевидно, способствовали сохранению чистоты небес.

Лан так и не заметила границы между столицей и окружающей ее местностью. Уже ступив на городскую территорию, она заметила, что они идут через одно маленькое поселение за другим, – Кайс объяснил ей, что это и есть главный принцип существования Вилларбора: здесь нет одного главного центра, их много, в каждом поселке – свой, и все они связаны друг с другом. На ее взгляд, они были скорее разделены, чем связаны, – обширными лугами с мозаикой ярких цветов в обрамлении лесопосадок, плавно переходивших в девственный лес. Однако и там встречались участки, где деревья явно были насажены согласно плану, как в парке, целые плантации ярких растений уходили вдаль.

Цвета, формы, запахи и звуки были бесподобны.

– Какие у вас тут красивые сады, – заметила она, все еще идя по пятам за Кайсом.

Не сбавляя шага, он сказал:

– Все это растет здесь не для красоты – мы выращиваем эти растения в медицинских целях. Они даже на участки разделены по болезням, которые лечат. Все в окрестностях города растет для чего-то, чаще для еды, но эти на лекарства.

Они миновали одноэтажный дом, в прелестном садике которого стояли три женщины, занятые разговором.

– Добрый день, сестры, – поздоровался с ними Кайс.

Одна из них, черноволосая девушка, кокетливо взмахнула рукой в ответ, но тут же, словно смутившись, отвернулась и побежала к дому, длинная белая юбка волочилась за ней по траве.

– Похоже, ты тут записной сердцеед, – заметила Лан, надеясь, что такая пустячная беседа поможет его разговорить.

– Понятия не имею, о чем ты, – ответил он.

– Ну так уж и не имеешь. Девушка ни с кем не гуляет, думает только о тебе, всем своим подружкам рассказывает, какой ты милый.

Кайс дернул плечом и засмеялся:

– Ни за что не хотел бы получить такую власть над другим человеком.

«Власть» – снова это слово, которое все обитатели Ислы произносили презрительно, точно в нем было что-то дурное.

Они опять углубились в настоящий лес и немного погодя, пройдя между двух громадных, точно стены, корней, оказались на поляне, которая явно служила центром всего Вилларбора.

Стена леса высилась перед ними – мириады оттенков зеленого и коричневого смешивались, постепенно сливаясь в глубине в темную дымку. Толстые красновато-коричневые стволы уходили ввысь, постепенно теряясь в густом пологие леса. Между ними помещались металлические конструкции, напоминающие строительные леса. Резные лестницы, закручиваясь против часовой стрелки, обвивали иные стволы. По земле, сквозь царство папоротников, от дерева к дереву были проложены тропинки.

– Что это за деревья? – спросила Лан.

– О, разные – тсуга, таксодиум, секвойя... Дальше в лесу встречаются и более редкие.

– Откуда такие любопытные названия? – Лан разглядывала удивительные рельефы коры ближайших деревьев.

– Так, насколько нам известно, назывались семена растений, заложенные на хранение несколько тысяч лет назад. Цивилизации возникают и исчезают, и одно такое исчезновение сопровождалось, вероятно, событиями апокалипсического характера, поскольку земля лишилась тогда всех лесов. Потом их вырастили опять. Жаль, что нам уже никогда не узнать, как эти гиганты звались на самом деле.

В кронах деревьев небольшими группами и даже целыми деревушками располагались хижины. Оказалось, что деревья соединялись между собой не только наземными тропами, но и подвесными дорожками, по которым – о чудо! – разгуливали и спешили по своим делам люди, точно пешеходы по улицам обычного города. То и дело сверху на веревках спускались корзины, внизу их загружали продуктами и снова поднимали наверх. Крошечные огоньки целыми каскадами перетекали с ветки на ветку, освещая наиболее тенистые участки древесных поселений, – Лан подумала, до чего здесь красиво должно быть ночью. Сквозь прогалы в пологе леса на специальные платформы грациозно опускались какие-то летательные аппараты, наподобие воздушных шаров. Из них выходили пассажиры – в основном люди и румели, хотя иногда попадались и цефы; на такой высоте все они казались не больше мухи.

Все, что она видела вокруг, было исполнено превосходными мастерами и неповторимо. Каждая деталь каждого сооружения была обильно украшена: то резьбой в виде геометрических фигур, то лепниной из барочных завитушек, а то и растительными орнаментами, и все это смотрелось так естественно, что казалось, будто деревья сами собой приняли такую форму в процессе роста.

Лан очарованно повернулась к Кайсу:

– Какой твой дом?

– Я здесь не живу, – засмеялся тот в ответ.

– А где же? – спросила она.

– В Вилларборе. – И он показал рукой на лес.

– Ты хочешь сказать, что тебе принадлежит весь город?

– Здесь ничего никому не принадлежит. – Лицо Кайса сохраняло выражение безмятежного покоя. – У нас нет никаких правителей. Мы все вместе живем в общественных поселениях в разных частях леса. Каждый сам выбирает, где он хочет жить, и никому не приходится платить бешеные деньги за право обитать в самом фешенебельном районе. Мы сами организуемся и сами решаем, как нам жить. Когда кому-то хочется переехать, мы просто организуем общину в другом участке леса, формируем жилища из самого леса, при условии, конечно, что находится достаточно желающих в них жить. Всякий вправе построить себе жилище такой красоты и сложности, какой пожелает. – Кайс сделал паузу, обдумывая свои слова. – Когда первые культисты прибыли на этот остров, – продолжал он, – а это произошло примерно в то время, когда был заложен Виллджамур, – они приняли образ жизни местных племен, которые считали ненормальным любое вмешательство в жизнь природы, и эта философия стала частью всего, что ты видишь здесь теперь.

– Кажется, я понимаю... – солгала Лан. – Правда, без денег и без правительства в этом все равно маловато смысла.

– Мы убедились, что правители и торговцы редко действуют в интересах большинства, – ответил Кайс. – И мы справляемся без них – организовываем, распределяем, сотрудничаем с другими автономными поселениями из разных районов острова... Знаю, о чем ты думаешь: без денег и без правителей такая степень кооперации кажется тебе невозможной. Но нам повезло: мы культисты и значит можем делать все, что хотим, ведь деньги не диктуют нам правила игры и не определяют наших ценностей. Чтобы получить разрешение привезти тебя сюда, мне пришлось обсудить твое дело на совете общин – мы не любим допус-

кать чужеземцев на наш остров, нам не нравятся идеи, которые они приносят с собой, – и именно поэтому я не хочу, чтобы наши говорили с тобой больше чем нужно: наше общество устроено и работает идеально. Империя держится на принципе доминирования, который она стремится распространить на все острова Архипелага, подчиняя их себе один за другим и извращая их культуру и природу ради того лишь, чтобы продавать им все те роскошные безделушки, которых так много в Виллджамуре, и тебе было бы неплохо это понять. Но здесь, у нас, в Вилларборе, такое просто неприемлемо. Наша система ценностей и отношений взорвется от столкновения с вашей. Мы привыкли брать от природы ровно столько, сколько нам необходимо. Сегодня вечером у нас будет пир, ты придешь на него как гостя и отведаешь даров леса, а завтра ты вернешься в свой мир как одна из немногих, кому посчастливилось видеть этот остров.

Кайс повел ее во влажный тенистый лес. Толстые корни изгибались над землей, образуя природные арки, под которыми проходили, словно плывя по тропинкам сквозь заросли, обитатели лесного города. Жизнь здесь текла неспешно. Люди, идя по своим делам с проводочными корзинами, наполненными ломиками, шестеренками и обрезками труб, задерживались, чтобы поболтать друг с другом. Дети резвились среди листвы, а те, что помладше, сидели на траве, слушая какого-то мужчину, – видимо, у них шел урок.

– Надо полагать, что, раз у вас тут нет денег, за образование этих детей никто не платит?

– Конечно нет! – ответил Кайс. – У них и так есть доступ ко всему – ведь это очень важно, чтобы каждый ребенок мог научиться читать и писать.

Лан удивилась, вспомнив то чувство вины, которое внушало ей собственное дорогостоящее образование, несмотря на все мучения и издевательства, перенесенные ею в школе.

– Чему же их учат?

– Нас всех учат здесь одному – думать.

Вспышки фиолетового огня били с древесных вершин, подсвечивая изнутри полог леса, и сердце Лан заколотилось при виде этой электромагнитной активности. Никто больше не обращал на них никакого внимания.

Они прошли через участок леса, который где-нибудь в Виллджамуре называли бы ире-ном. Здесь он выглядел очень мирно и прямо-таки располагал к отдыху: одни люди ткали на глазах у всех, другие так же открыто готовили еду, и все болтали друг с другом и с проходящими. Лан дивилась качеству безделушек на прилавках, обилию овощей и фруктов. Разнообразию во всем.

Лан заметила, что в некоторых избушках что-то мерцало – как будто там работали кузнецы. Однако она подозревала, что там скорее творят магию, чем куют металл.

– А что, здесь все культисты? – спросила она.

– По вашим понятиям, пожалуй, да, – отвечал Кайс. – За одним только исключением. Здесь, на Исле, все равны. В империи культисты нередко пользуются реликвиями в собственных интересах, они меняют знания и умения на власть, даже воюют с другими ради достижения своих целей. На этом острове ты не увидишь ничего такого – ни в наших общинах, ни в местных племенах никто не стремится обрести власть над другими.

Вечером во время большого банкета на открытом воздухе Лан сидела за одним столом с Кайсом, наслаждаясь ароматным теплом.

«Какой славный вечер... Я почти забыла, что такие бывают».

Цветные огни и яркие матерчатые тенты украшали лесную вырубку в форме звезды. За столами, выставленными в форме ломаной буквы «О», сидели и взрослые, и дети, по внутреннему и внешнему периметрам можно было видеть людей, румелей и даже редких цефов – один из них сидел недалеко от Лан, и она заметила, что Кайс то и дело бросает

на него быстрые взгляды. В центре музыканты с инструментами вроде флейт исполняли мелодию, основанную на местных народных мотивах, а ударные и скрипки вели ритм. Весь лес вибрировал, словно зрительный зал во время шоу. Гостей было несколько сотен, и все пили и ели разную экзотическую еду, которая могла произрасти только здесь, в рукотворном климате юга. Сочные фрукты, сладкий мед, наваристые овощные рагу и мягкий хлеб. Столы ломались от угощений.

Впервые в жизни Лан чувствовала себя в полной безопасности среди такого множества людей. Да, теперь мысли о себе самой не вызывали у нее смущения и беспокойства. Исчез страх быть растерзанной прознавшей о ее тайне толпой. Правда, она все еще стеснялась, когда кто-то заговаривал с ней, но это, вероятно, не могло пройти так скоро; да и теперь она, по крайней мере, могла выдавать свою робость за неуверенность при столкновении с чужой культурой.

Местные роились вокруг нее, как мошкара, засыпая ее вопросами о внешнем мире. Но Кайс был настороже: он заворачивал каждого нового любопытного просьбой дать ей спокойно отдохнуть после операции, и она только виновато улыбалась, глядя на них.

Вокруг нее говорили на разные темы, но чаще всего об организации: транспорт, дежурства на мосту на следующей неделе, встречи, собрания профессиональных союзов, школы, деление на районы, навыки. Могло показаться, что люди здесь не обсуждают ничего, кроме самых насущных тем, однако, прислушавшись, можно было уловить разговоры о духовных практиках и свободных искусствах. Заходила речь и о сложнейших аспектах колдовства, но в этом она ничего не понимала, а потому не обращала внимания. Кое-где за столами вспыхивали споры, местами похожие на ссоры, и тогда старейшины поднимались со своих мест и мягкими движениями рук призывали спорщиков к порядку.

«Да, не скучно у них тут, на Исле».

Вдруг по столам прошел шепот: все повторяли одно и то же имя, причем лица у многих сразу скисли, разговоры стихли.

Лан наклонилась к Кайсу:

– Кто это – Шалев?

Тот, раскуривая самокрутку, наблюдал за реакцией сограждан. Наконец, по-прежнему не сводя с них глаз, он ответил на ее вопрос:

– Одна... неприятная особа. Делала плохие вещи.

– Она преступница? – уточнила Лан.

– Здесь нет преступников.

– А что...

– Говори тише, – шепнул Кайс, затягиваясь ароматным дымом. – Повторяю, здесь нет преступников. Нет тюрем. Мы никого не подвергаем наказаниям, как в империи.

– Как же вы предотвращаете кражи?

– Как можно что-то украсть, если ничего никому не принадлежит? Все, что нужно любому человеку, на этом острове можно попросить, заработать, сотворить при помощи магии или просто сделать своими руками. Большая часть преступлений в большом мире – это преступления против собственности; у нас собственности нет, и потому совершить преступление просто невозможно.

– Кто придумал такие правила?

– Мы все, – ответил Кайс. – У нас демократическое общество, а это значит, что мы сообща управляем своими делами.

– Как я понимаю, Инквизиции у вас тоже нет. Кто же тогда следит за порядком?

– Ты права, Инквизиции у нас нет. Зато есть совет общины, который следит за тем, чтобы все законы исполнялись, а если кто-то все же совершает какой-то проступок, совет решает, как его наказать и чем компенсировать ущерб пострадавшим.

– А как же убийства?

Что-то дрогнуло в глазах Кайса.

– Эта Шалев, она кого-то убила, да? – настаивала Лан.

Кайс окинул взглядом соседей, которые уже прислушивались к их разговору.

– Нет, не просто убила. Шалев вменяли в вину неосторожное обращение с магией, что привело к смерти нескольких человек. Ее отличала неустойчивая психика, ей не подходили наши условия жизни, несмотря на то что она росла и воспитывалась в основном здесь. Шалев не здешняя уроженка. Она с другого острова. Многие здесь ее не понимали, и, как следствие, у нее не было друзей. А потом она ударилась в рискованные эксперименты, и из-за ее реликвий погибли наши горожане. Но она отказалась признать свою вину, и тогда ее изгнали все до одной общины нашего острова.

– И куда она подевалась? – спросила Лан.

Кайс снова оглянулся. Впервые за все время она видела его растерянным.

– Шалев часто заводила речь о том, как нанести поражение империи, – собственно, это было одной из причин ее изгнания. Шалев заявляла, что наш образ жизни следует насадить везде, – собственно, не она первая, за века существования нашего общества такие разговоры поднимались не однажды. Но Шалев хотела добиться этого силой, что противоречит нашим основным принципам. Так что, отвечая на твой вопрос, вынужден сказать, что она направилась куда-то в империю.

Кайс провожал ее в деревню, у обоих слегка кружилась голова от слабого местного алкоголя. Несмотря на то что было уже довольно поздно, воздух оставался влажен, и когда они ступили на твердую платформу, Лан опять приступила к Кайсу с расспросами.

– Почему ты помогаешь мне, Кайс? Я хочу знать. Я же никто, так зачем ты сделал это для меня? Пожалуйста, скажи честно.

– А вы настоящая эгоистка, леди, – все только о себе да о себе.

– Вот и нет. Наоборот, я хочу больше узнать о человеке, который мне помог. Когда я снова окажусь на другом конце Архипелага, то я хочу помнить, кто тот человек, которому я обязана новой жизнью и которого, может быть, никогда больше не увижу.

Кайс посмотрел на нее долгим взглядом и сделал ей знак войти. Она робко последовала за ним. Темнота отступила, когда он зажег лампу, и мягкий рассеянный свет согрел его взволнованное лицо.

Все внутри выглядело так, словно было вырезано из дерева – от пола до мебели. На стенах виднелись диаграммы с подробными изображениями человеческого тела, в одном углу прямо на полу высилась целая башня книг, ежеминутно грозя обрушением, пол в несколько слоев устлала бумага. Из окна были видны темные кроны деревьев.

Он задернул шторы, прогоняя ночь, и запер на замок дверь – и тут Лан испугалась.

– Сядь, – коротко приказал он, и она упала в кресло у стола.

Он стоял перед ней, расстегивая белую рубаху. Сняв ее, он взялся за нижнюю сорочку.

Она застыла.

«Неужели он хочет меня обидеть?»

Очень медленно он стянул с себя сорочку и уронил ее на пол, на груды одежды.

У Лан упала челюсть.

Широкие шрамы покрывали его дельтовидные мышцы, между ними и пекторалиями вздувались какие-то пузыри – нет, присоски, одни как бугорки, другие вполне определенные по форме, хотя и покрытые человеческой кожей. Его тело было изменено. Его руки были куда светлее живота – они явно были чужими.

Пока она разглядывала его, он наблюдал за выражением ее лица. Заметив это, она начала бурно извиняться – кто-кто, а она не имела права так смотреть.

– Теперь ты все видела, – горько прошептал он. – Раньше я был... цефом. Когда-то я плавал под водой вместе с ними. Так что я хорошо понимаю, как ты сейчас себя чувствуешь. Мне страшно хотелось быть человеком – в глубине души я никогда не чувствовал внутренней связи с морем. Я ненавидел его холодные глубины. Я жаждал знания и света, жизни на суше и человеческой культуры. Я бросил свой народ, и теперь они чужаются меня, ибо не признают жизни этого острова. Сами они просты и грубы. В ранней юности здешние культисты сделали мне новое тело, придав ему все, что должен иметь человек. Я стал одним из них, я выучил их язык, изучил их обычаи, я практиковался до тех пор, пока не достиг полного сходства с ними. Я стал тем, кто я есть сейчас, хотя это было непросто, но общество приняло меня, и я... я тоже хочу быть столь же щедрым и неравнодушным к другим.

И он широко развел свои чужие руки.

– Так что мне было понятно твое желание стать другой, Лан. Поэтому я тебе помог.

Лан еще многое хотелось узнать, однако настала пора покидать Ислу.

Утреннее солнце просачивалось внутрь жилища, когда Лан слушала Кайса, сидевшего за столом напротив. Он излагал ей подробности ее трансформации, объяснял, как именно они повлияют на ее тело, и она впитывала его слова с жадностью, инстинктивно доверяя ему после того, как он поделился с ней своим секретом. Она не сомневалась в том, что этот человек ее понимает, хотя поверить в то, о чем он говорил, от этого было не легче.

– Мы смогли наделить тебя полностью функционирующей женской анатомией, в чем мы, собственно, и не сомневались, – сказал Кайс. – Также мы сгладили мужскую угловатость в определенных местах твоей фигуры, в лице, смягчили голос. Все это было довольно просто. Так что теперь ты можешь вступать в половой акт как полноценная женщина. Правда, сможешь ли ты получать от этого удовольствие, я не знаю.

– Я и раньше не много его получала, – ответила она с ухмылкой. Кроме того, в последние годы она вообще избегала сексуальных контактов, боясь разоблачения.

Кайс, игнорируя ее суховатое чувство юмора, перешел к следующей теме:

– Однако ты... Детей у тебя не будет, и... сделать так, чтобы ты менструировала, мы тоже не смогли.

Лан подозревала, что так будет, однако продолжала надеяться, и теперь, когда огонек надежды в ее сердце погас бесповоротно, ей стало грустно.

– Во всем остальном, – продолжал он, – учитывая то, что пол вообще понятие относительное – мы здесь, на Исле, не неандертальцы какие-нибудь, чтобы делить всех на два пола без остатка, – так вот, во всем остальном у тебя есть все шансы стать счастливой, – заключил Кайс. – Как твое физическое состояние, тебя устраивает?

– Я всегда ощущала себя женщиной, но теперь у меня для этого еще больше оснований. И дело не только в том, как я выгляжу. – Она позволила себе небольшую задумчивую паузу, заметив попутно, насколько мягче стал звучать ее голос. – Останется ли все это в тайне? – спросила Лан. – Мне бы не хотелось, чтобы это как-то вышло наружу. Сколько людей знают о том, что ты для меня сделал?

– Понимаю. – Кайс ответил ей прямым взглядом. – Есть ограниченная культистская сеть, члены которой будут в курсе, но и только. Кроме того, у вас там сейчас снег и мороз, люди будут думать только об этом, а не о чужих тайнах. Да и не все ли им равно?

– Не все равно мне.

Кайс сунул ладони себе под мышки. И поглядел на нее с сочувствием.

– Конечно.

– Извини, – сказала Лан. Конечно, все, что он говорит, очень здорово, но разве она для него не просто эксперимент? В конце концов, разве они не заключили обоюдное соглашение? – Просто мне еще предстоит со стольким справиться.

– Я говорил тебе, что трудностей будет много. Люди часто стремятся улучшить свое тело, но они редко осознают, как велика связь между телом и разумом.

– Понимаю, – ответила она.

– Тебе еще не раз придется бороться с фантомными страхами, – предупредил Кайс. – Не думай, что все они исчезнут в одну ночь.

Лан даже не знала, что сказать ему на прощанье. Кайс стоял у выхода на лестницу, которая снова должна была привести ее на ледяные пустоши Джокулла. Проводить ее пришли и другие обитатели острова – в пестрой толпе то и дело мелькали знакомые лица. Солнце припекало, как всегда на Исле. В последний раз она оглянулась на Вилларбор, на дюжины его деревушек, которые, укрывшись среди мириадов оттенков зелени, составляли островной пейзаж.

«Какой прекрасный вид...»

Она определенно будет скучать по этому острову, но и гордиться тем, что ей довелось своими глазами видеть его экзотическую красоту.

Кайс подвел ее к ступеням.

– Местные племена не устают напоминать нам о том, что для перерождения необходимо сначала выбрать путь смерти. На мой взгляд, отпустить на свободу того, кем ты была раньше, тоже вариант.

– Так я и сделаю, – ответила она. – Я вернусь в Виллджамур – денег у меня осталось немного, но все же. Хватит с меня цирков.

– Мудрое решение, – одобрил Кайс.

– Кайс, я не знаю, что тебе сказать... – Слезы навернулись ей на глаза, но, какими бы смешными ни казались ей самой ее эмоции, разве могла она ничего не испытывать, прощаясь с человеком, который подарил ей новую жизнь, осуществил ее мечту, всегда казавшуюся ей недостижимой?

– Не благодари меня, сестра, я был рад помочь тебе, – ответил Кайс тихо. – Благодаря тебе я исследовал новые области науки, и мои коллеги по ордену в восторге от той работы, которую мы смогли сделать все вместе.

Не в силах сдержать распиравшую ее благодарность, она порывисто обняла его, но тут же повернулась к нему спиной и, провожаемая многими сочувственными взглядами, шагнула на темную лестницу, в резко пахнущую мглу.

Впереди ее ждала новая жизнь.

Глава четвертая

Одно она знала наверняка – они угодили туда прямо в разгар какой-то военной операции. Тысячи краснокожих румелей, в незнакомых доспехах, со знаменами, на которых красовались причудливые изображения, выстраивались перед ними на белом снегу, образуя непривычные человеческому глазу фигуры. Раздались команды на грубом, гортанном языке, замаршировали тысячи ног, глухо топая по утрамбованному снегу.

А еще вдалеке она увидела тысячи... этих... тварей.

Верейн вздрогнула. От их семенящей поступи насекомых, от всей их наружности огромных то ли жуков, то ли раков ее пробирала дрожь. «Сплошные клешни да панцири». И хотя теперь они были далеко, но даже самого беглого взгляда на их воинство хватило, чтобы в ней снова проснулся панический ужас. Раки были на несколько голов выше любого из краснокожих румелей и все же непонятным образом находились у них в подчинении.

Верейн и остальные культисты – те, кому посчастливилось остаться в живых, – стояли и тупо смотрели на то, как представители враждебной цивилизации маршем проходят через Врата Миров в их собственное измерение. Перед ними был арьергард армии захватчиков, и Верейн, сама не зная как, поняла, что их целью являются города ближайшего отсюда острова. Ей уже доводилось видеть разоренные ими поселения, и она невольно испытывала глубокое сострадание ко всем тем, кому предстояло оказаться у них на пути.

Пока не стих ветер, слова Дартуна доносились до них как неразборчивое бормотание. Он понуждал их двигаться дальше, громко крича им, чтобы они не задерживались. Собаки залаяли и натянули построения, четверо саней одни за другими сдвинулись с места и рванулись вперед, к свету, сиявшему впереди, словно видение рая, но, едва успев пронестись сквозь густо валивший снег, резко встали.

Верейн почувствовала, как сердце забилося у нее где-то в горле. «О боги, только бы вернуться отсюда, пожалуйста...»

К ним подъехали краснокожие верховые румели – факт существования подвида этой расы в ином измерении так и остался для нее непривычным. В ослепительном сиянии Врат Миров часовые разглядывали Дартуна. Приглядевшись, она различила в море яркого огня что-то вроде решетки из тонких пурпурных линий – это и был их мир. Их дом, куда она так жаждала вернуться.

Откуда-то сзади раздались команды, резкие и отрывистые, – похоже, между румелями у Врат и теми, кто стоял за ними, произошел какой-то обмен репликами.

Вскоре культистов пропустили вперед, всех до единого, и они наконец-то оказались на свободе, но с пустыми руками, не считая саней и собак. Члены ордена Равноденствия пустились через снежную равнину в свой родной мир.

Позже, много позже.

Из-под укрытия своего капюшона Верейн бросила взгляд назад, но, к счастью, не увидела Врат. Вокруг их маленького отряда бушевал снег, белые спирали скрывали и горизонт, и землю под ногами. В редкие периоды затишья они видели только белые снежные холмы, ледяные поля да изредка черные остовы деревьев, корябавших кривыми ветвями низкое серое небо. Казалось, ничто здесь не изменилось с момента их отбытия – тот же пейзаж, та же земля, те же леса и деревни.

«И бесконечный снег...»

Культисты устроили привал, сани остановились. Пряди черных волос лезли Верейн в глаза, она убрала их за уши. Выглядела она ужасно, да и чувствовала себя не лучше. До

путешествия она была стройной, а сейчас отошала так, что непонятно было, в чем душа держится.

Их осталось десять. Всего десять из сотни, последовавшей за Дартуном через Врата в его неумной жажде обрести ответы на свои вопросы, а заодно и способ продлить свою жизнь. Привычно кутаясь в меха и теплую одежду, они уже плохо понимали, куда их ведут. Две собаки непрерывно лаяли, их голоса придавали остроту какофонии окружающих звуков. Собак тоже изменили – она была в этом уверена, хотя не знала, как именно и для чего.

В голове у нее все перепуталось.

К ней подошел Дартун Сур. Кожа его лица серебристо блестела, на шее, там, где ему вспороли кожу, виднелись фрагменты какого-то вещества. Приглядевшись, она замечала в глубине его глаз красный огонек, а его движения стали плавными и текучими – и все же это был он, глава их ордена, человек, силой и знаниями превосходивший всех культистов Виллджамура. Человек, который стремился к прогрессу и грезил прекрасным будущим.

Тот, кого она любила.

Только теперь на нем были следы пребывания... там.

Его плащ обтрепался по краям, одежда местами протерлась до дыр. Мускулы стали рельефнее. У него появилась выправка скорее солдата, нежели кабинетного ученого, привыкшего до зари корпеть над реликвиями. Даже в своих нынешних лохмотьях он выглядел могучим. Дартун Сур повел их в иной мир в поисках вечной жизни, и, похоже, он ее нашел.

На Верейн нахлынули воспоминания – образы и впечатления мира, оставшегося позади Врат.

Вот что она помнила оттуда:

«Мир, объятый вечной ночью. Пыльные бури и нестихающий гром. Следы ушедших в небытие культур, руины городов, кладбища скелетов. На редких пригодных для обитания участках земли бушевали войны: существа, которых она не могла даже вообразить, и те, которых она считала давно вымершими, сталкивались друг с другом с неудержимой яростью».

Верейн попыталась сложить все, что она могла вспомнить, в связную картину. И поняла, что полностью утратила чувство времени. «Бор, какая каша у меня в голове!» Как давно они оставили свой мир и вступили во Врата? Сколько лет, дней или веков минуло с тех пор? Хотя нет, скорее, месяцев. Почему-то ей было необходимо осмыслить свое нынешнее пребывание здесь. Орден Равноденствия последовал за Дартуном Суrom в полном составе, вооруженный реликвиями, этими остатками древних технологий, которые, как они убедились, были бессильны перед лицом враждебной и куда более развитой культуры. Представители этой культуры схватили их, обезоружили, взяли в плен, где мучили и пытали. И все же вот она, снова здесь, живая и почти здоровая – как же так вышло?

Вздвогнув, она прогнала от себя эту мысль, надеясь, что время сотрет оставленные в ее памяти шрамы. Сейчас главное то, что она выжила; а значит нельзя взять и просто так умереть здесь, без всякой цели. «Нет, все, что угодно, но здесь я не умру».

Глава пятая

Дневник Ульрика

Встав с первыми лучами нашего умирающего красного солнца, я, ведомый его светом, направился к древнему городу мостов и шпилей.

К легендарному Виллджамуру.

Верхом я ехал через занесенные снегом поля, через деревни, от которых остались лишь ветхие сараюшки. Образцы местной флоры выглядывали из-под снега; они были или мертвы, или голы настолько, что ничего уже не могли предложить человеку ни с кулинарной, ни с медицинской точки зрения. О, как мои дряхлые братья возненавидели бы такой пейзаж! Кости животных устилали обочины разбитых дорог, лишённые всякой ценности, дарованной им природой. Выброшенные за ненадобностью.

Не могу с уверенностью назвать возраст ни одного из строений, которые попадались мне на пути. Им могло быть как сто лет, так и тысяча, а возможно, в свое нынешнее состояние упадка они пришли совсем недавно, в результате каких-то локальных конфликтов или под натиском непогоды. Снежные шапки придавливали их к земле, стены покосились под их тяжестью, никакая жизнь не могла скрываться внутри их. Умирающая земля никому не давала пощады.

Города и деревни напоминали картины ада. В них продолжали существовать – хотя и с большим трудом – отчаявшиеся люди. Всеми забытые, эти мужчины и женщины кое-как сводили концы с концами, питаясь скудными дарами некогда плодородной земли; прослышав обо мне, они сбегались ко мне в надежде на помощь. Но мне нечего было предложить им, кроме слов назидания, позаимствованных у самого Бора (если бы я в него еще верил), и я молился о том, чтобы они послужили им к утешению.

В одной деревне я, действуя с сугубой осторожностью, сумел растопить лед местного озера при помощи моей книги. Обитатели деревни собирались ловить там рыбу, и я, хотя и не был уверен в успехе, все-таки дал им надежду, без которой их ждала бы верная гибель в самое ближайшее время.

Многие поселяне опустошены изнутри – это видно по их глазам, – хотя их нельзя сравнить с теми мертвыми, которые, сохранив благодаря каким-то культистским трюкам способность двигаться, бродят в сумерках, чем немало беспокоят этих достойных людей.

Но и среди живых многие пали чудовищно низко. Как-то темной ночью, проезжая мимо деревни, которую я не хочу даже называть, я видел, как группа людей пиrowала над трупом своего сородича. Избегая встречаться взглядом с их пустыми глазами, я смотрел на жалкие кусочки плоти, которые они держали в руках, и на кровь собрата, стекавшую по их подбородкам на мерзлую землю. Не надо быть ясновидящим, чтобы понять – такие глубины морального падения не редкость среди людей в наше время. Кое-где с ветвей свисали скелеты, их кости стучали о стволы от ветра, – я догадался, что в этой глуши, вдали от надзора империи и ее солдат, которых теперь, кстати, стало удивительно мало, действует какой-то неписанный закон и эти отвратительные тотемы суть следы его работы.

Примеров же истинной человечности мне встретилось очень мало.

Я продолжал свой путь, когда меня стало настигать эхо минувшего.

Прошедшие кошмары.

Я вспоминал горящие здания, и отзвук слышанных мною тогда человеческих воплей пронзал мой мозг. Все это было на самом деле. Я видел отряды наемной милиции, которые хватили и выволакивали на улицу тех, кто давал мне кров и защиту, и там отрубали им

головы на глазах у жен и детей. Их женщин оттаскивали в сторону и там многократно насиловали. Все это было на самом деле.

А мой тайный стыд заключался в том, что я мог лишь стоять и смотреть – смотреть, как рушится цивилизация на дальней окраине империи. Я наблюдал, как одних убивали, а другим калечили жизнь. За что? Всего лишь за то, что они встали на мою сторону, на сторону истины, прикрывая мой путь в Виллджамур. Они погибали за то знание, которым я обладаю, из-за того, что меня предали, из-за того, что я доверился своим ближним.

Все это было на самом деле.

Наконец я узрел вдали ее, столицу нашей империи. Мать наших городов, пусть и не всегда известную под нынешним именем. Письменная история – насколько ей вообще можно доверять – сообщает, что этот город сразу после его основания был назван Вилхалланом, и было это одиннадцать тысяч лет назад, до так называемого Договора Науки, когда культисты объявили себя союзниками общества, созданного королем Халланом Гинуром. Тот город в основном пал под натиском очередного ледникового периода, наступившего, как мне представляется, по вполне естественным причинам. Чего не скажешь о нынешнем... Многим ли из тех, кто ныне живет в Виллджамуре, ведома его истинная история?

Я узрел исполинские стены и черное человеческое море, плещущееся у их подножия, и грязную дорогу, прямую как стрела, – храня следы множества ног и колес, она, словно ирам, пересекала плоскую равнину. Тут и там над нею вызванными из небытия призраками вставали дымные плюмажи костров. Этот город давно не знал духовной заботы. Над ним кружили гаруды, пролетая под знаменитыми мостами, перекинутыми, как казалось мне в тот миг, с облака на облако и предназначенными для горделивой поступи богов. Шпили башен вздымались на высоту, превосходящую всякое понимание, и на многих из них развевались разноцветные знамена, колеблемые морским ветром.

Он был точно такой, каким я его помнил, каким оставался тысячелетиями. Дом наших предков, колыбель нашей цивилизации и нашей культуры, моя последняя надежда. А возможно, не только моя, но и всех, кто живет в наше страшное время.

Виллджамур.

Ах, если бы ты знал о магии, которую скрываешь...

Глава шестая

Остро отточенная бритва лежала в ведерке с горячей водой. Он запустил туда руку, вытащил лезвие и начал бриться: легкими движениями, два вниз, одно вдоль, два вниз, одно вдоль, прокладывая дорожки в густой пене. Кожа у румелей толстая, скорее похожая на шкуру, волосы на ней растут медленно, но, несмотря на то что брился он всего раз в неделю, он достиг в этой процедуре совершенства. Кончив, он тщательно прополоскал лезвие и только тогда отложил его в сторону.

В одних брюках, влажно сверкая гнедым торсом, следователь Фулкром стоял перед зеркалом. У него было узкое лицо и довольно изящная фигура, что вообще-то редкость для его расы – румели обычно приземистые, широколицые и коренастые, – а его большие черные глаза, по уверению многих дам, были просто восхитительны. Критически осмотрев себя со всех сторон, он решил, что его режим усиленных физических тренировок принес свои плоды. Не зря он по вечерам изводит себя приседаниями и отжиманиями. Он рассеянно скользнул пальцем по старому ножевому шраму у себя на ребрах.

Внимательно осмотрев свое лицо на предмет недобритых участков и не найдя таковых, он промокнул его полотенцем, а затем зачесал копну серебристых волос налево – как всегда.

Еще совсем молодой для румеля, он в последнее время ощущал растущее неудовлетворение жизнью. Ну, по крайней мере работой. Вот уже более десяти лет он самостоятельно расследовал дела, но, поработав не так давно со старым следователем Джеридом над одним из его самых запутанных случаев, он стал на многое смотреть иначе. Виллджамур был тогда – и оставался сейчас – переполнен беженцами, и кто-то составил заговор их массового убийства в тоннелях под городом – геноцид, по сути дела. Точнее говоря, этот кто-то был Уртика, он и свалил всю вину на тогдашнюю императрицу Рику. Только Фулкром и Джерид знали, что именно произошло, но, не имея доказательств, не могли рассказать об этом ни одному человеку. Все, что они сумели тогда сделать – это спасти приговоренных от гибели, выпустив их за пределы города, на мороз. С тех пор прошло время, и многие из спасенных ими беженцев, надо полагать, уже умерли от переохлаждения, голода или болезней. Тем временем императрица Рика и ее сестра, обе приговоренные к смерти, сумели сбежать из города, и никто не знал, куда они направились и что с ними случилось. Фулкром не хотел узнавать о них по официальным каналам, боясь, как бы с ним самим не стряслось беды. «Есть вопросы, которые не следует задавать никому...»

С тех пор Фулкрому стало трудно верить в то, что в Виллджамуре возможна справедливость. Все оказалось совсем не так, как в тех историях, которые вдохновляли его в детстве, или в тех листках, которые развешивал время от времени по городу Мифо Творец. Да, было время, когда он и сам любил почитать хорошую историю про ушлых следователей с гладкими румельными шкурами, выходящих по вечерам на охоту за преступниками.

Фулкром надел сначала чистую нижнюю сорочку, потом рабочую рубашку, поверх которой накинул плащ. Он жил в квартире на верхнем этаже дома в пятом уровне, довольно далеко от самых шумных баров и в то же время почти в самом центре.

За окном пискнула птеродетта, и, когда он подошел взглянуть на город, чешуйчатая тварь расправила зеленые крылья и взмыла под облака. Вид из его окон открывался впечатляющий: башни, мосты и шпили, тысячи лет архитектуры в косых лучах утреннего солнца, не проникавшего пока в ущелья улиц, которые оставались в контрастной тени. Восьмиугольная стеклянная призма башни Астрономов сияла над крышами домов напротив.

Бросив последний взгляд в зеркало и поправив воротничок, Фулкром подхватил свой медальон следователя и отправился на службу.

С крыш Виллджамура текло после вчерашнего снегопада – впрочем, не такого сильного, как в последнее время, так что Фулкром даже усомнился в реальности Оледенения – не обычный ли это политиканский трюк. Люди привыкли годами говорить о грядущем Оледенении, его причинах и о том, как это изменит их теперешнюю жизнь. Астрономы империи давно уже сделали свои прогнозы, согласно которым температура должна была стремительно падать, но именно сейчас это падение, кажется, замедлилось. И хотя дневные температуры были все еще далеки от того, что люди привыкли считать нормой, горожане упрямо продолжали день за днем выходить на улицу, словно бросая вызов природе.

Подобно какому-то доисторическому зверю, Виллджамур просыпался ото сна. Струйки дыма поднимались над трубами. Гранит просох и, посветлев, оказался изношенным временем известняком.

Все улицы, и центральные, и боковые, были запружены народом, повсюду была пестрая толча плащей, шуб и сапог. Заспанные торговцы, иные с головы до ног в дешевом золоте, ковыляли к иренам на Гата-дю-Оук, толкая перед собой тачки с товарами, а те, кому повезло больше, погоняли лошадей. Вдоль всей Гата-Матр кипели котлы с устрицами, клецками, жарились пирожки с требухой, а продавцы окидывали улицу ленивыми взглядами, выкликая цены. С задней площадки фургона, превращенного в палатку для гадания, жрец племени аззов, в нарушение закона, гадал всем желающим по раковинам. На территории империи признавалась лишь одна религия – а именно Джорсалир, – связывавшая церковь и государство воедино, и потому, заметив Фулкрома, жрец, весь в мехах и зубах каких-то тварей, быстро собрал свои принадлежности и, подобострастно кланяясь и улыбаясь, скрылся в ближайшем проулке.

Звякнули цепи, и что-то взлетело к открытому окну на боковом фасаде массивного изукрашенного отеля «Виллджамур». Хорошенькая серокожая девушка-румелька в голубом плаще и платке того же цвета спустилась по линиям золоченым ступеням крыльца и улыбнулась идущему мимо Фулкрому. Промчалась стайка детей, один запустил снежком, который угодил в окно «Седла дриады», свистнув у Фулкрома над ухом, – тот, едва не потеряв равновесия, поскользнулся и поехал прямо к ступеням подвесного моста.

Мосты уже вибрировали от множества идущих по ним ног. Лед, намерзший на них за ночь, отваливался и кусками падал вниз, на город. К счастью, большая часть ледяных глыб разбивалась, ударяясь о черепичные крыши, откуда они достигали земли уже в виде мелких осколков, но иные рушились прямо на мостовую, так что люди едва успевали уворачиваться. Каждый день поступали сообщения об убитых и покалеченных пешеходах. От ледопада страдали не только люди, но и дома: удары массивных глыб ускоряли процесс старения камня, вышибали целые куски кирпичной кладки. Лед грозил так или иначе поставить город на колени.

Отношения Фулкрома с Виллджамуром были непростыми. Уроженец столицы, он, вполне естественно, испытывал к ней приязнь, чему немало способствовала ее красота, окружавшая его с утра до ночи изо дня в день; однако он знал, что есть и другая сторона медали. Здесь, на верхних уровнях, недалеко от Балмакары, обитали зажиточные здоровые люди, которые редко нарушали закон и вели себя вполне прилично. Здесь были красивые дома – узкие фасады в три-четыре этажа высотой, выкрашенные в разные, полинявшие от непогоды цвета.

Но был еще и огромный, невидимый взгляду Кейвсайд. Из сотен тысяч жителей Виллджамура большая часть ютилась в относительной темноте. Фулкром слышал, что почти все коренные виллджамурцы вели свое происхождение от обитателей пещер, которые были населены еще до того, как одиннадцать тысяч лет назад возник сам город. Пещеры и были самым старым городским районом, хотя теперь между двумя частями Виллджамура – назем-

ной и подземной – почти не было сообщения. Если верить слухам, жизнь под землей сильно смахивала на жизнь в аду.

Фулкром шел переулками, выбирая в лабиринте сырых улочек кратчайший путь к главному зданию Инквизиции. Входом в него служили высокие, но неприметные двойные черные двери на вершине широкого крыльца с выщербленными ступенями. Никаких украшений, никакой фигурной кирпичной кладки здесь не было и в помине, лишь два простых светильника по бокам двери в ящиках из стекла. Только по присутствию двух зверского вида охранников у входа можно было заключить, что в этом здании происходит что-то серьезное. Фулкром показал им медальон, и они кивнули.

– Селе Уртики, – буркнул один, распахивая перед ним высокую дверь.

Фулкром вошел, миновав Гейл, женщину-помощницу администратора, как всегда, нарядную, в белой блузке с рюшами, зеленой шали и длинной черной юбке. Ее светлые волосы были уложены в высокую модную прическу.

– Селе Уртики, господин следователь, – не дала ему проскользнуть незамеченным она. – Вам что-нибудь принести?

– Доброе утро, Гейл. Нет, ничего не нужно, спасибо. – И он сделал движение, чтобы уйти.

– Может быть, что-нибудь попить? – Просительным жестом она вытянула перед собой руки.

– Нет. Но все равно спасибо. – Неловко улыбаясь, Фулкром направился напрямик в свой кабинет.

Комната была невзрачная, как почти все в этом старинном здании, где помещения шли анфиладами. В большинстве из них часами корпели над административными бумагами и начальственными записками старые вонючие румели, при свете цветных абажуров поддерживая функционирование юридической машины города. Но Фулкрота не привлекал такой способ служения Виллджамуру – заживо гнить за письменным столом было его кошмаром.

Одну стену кабинета Фулкрота целиком занимали стеллажи со старинными, трачеными временем книгами в потертых кожаных переплетах. Он давно уже расположил их в строгом порядке, по тематике и году выпуска. Два окошка в виде неправильных ромбов впускали свет солнца, подкрашенный цветным стеклом, а над дверью висел пейзаж с изображением заката над городом – ретрооригинал.

Аккуратно повесив уличный плащ на спинку стула напротив камина, Фулкром начал разводить огонь, для чего пошарил сначала в куче растопки по правую руку от себя. «А топить-то почти нечем».

Когда пару минут спустя растопка занялась и в камине только-только зажил своей жизнью маленький огонек, а Фулкром сел возле него погреть руки, дверь его кабинета без стука распахнулась и внутрь ввалился один из самых главных его начальников, старый вороной следователь Варкур.

– Фулкром, – громогласно рыкнул он, – у тебя есть минута?

– Конечно, – отвечал тот. – Присаживайтесь. – И он указал начальнику на кожаное кресло за своим величественным, как и подобает госслужащему, столом красного дерева. Смахнув с него пару бумаг, он чиркнул спичкой и зажег свечу под маленьким стеклянным колпачком. – Прошу прощения за беспорядок.

– Не дури, парень, – у тебя тут беспорядка днем с огнем не найдешь.

Варкур со стоном откинулся в кресле. Это был корпулентный румель со шрамом на квадратной челюсти, оставшимся, как говорили, после боя с гарудой лет сорок тому назад. Нос у него был еще шире, чем у большинства румелей, а его черные глаза были посажены так глубоко, что, разговаривая с ним, Фулкром никогда не был уверен в том, смотрит начальник

на него или куда-то в сторону. Варкур был следователем старой закваски, из тех, каких нынче не делают, да и то сказать, имея двести лет службы за плечами, он мог позволить себе плевать на современные методы. Как он любил напоминать своим коллегам, он пересидел на своем месте не одного императора, а потому терпеть не мог отклонений в ходе следствия. Слишком строптивый, чтобы дослужиться до чина архинквизитора, он завершал свою карьеру, опекая молодых следователей, что вполне устраивало Фулкрона.

– В чем дело? – спросил Фулкрон.

– А сколько у тебя есть времени? – Варкур фыркнул. Потом добавил: – Я сегодня злой. Один из трех печатных прессов Инквизиции вышел из строя, и никто не знает, что с ним теперь делать, – а ведь дорогушая штука. Пришлось опять ночевать в офисе. Стел изжарит мою задницу живьем, если это еще раз повторится, клянусь.

– Разве она не понимает, до какой степени вы преданы своей работе, сэр? – спросил Фулкрон. – Однако, если я могу оказать вам какую-то помощь...

Варкур взмахнул толстой лапой.

– Тебе и так надавали кучу непростых дел в последнее время, Фулкрон.

– Не важно, сэр.

Варкур поглядел на пол и стал растирать ладонями лицо, чтобы привести себя в более чувствительное состояние.

– Есть у нас тут одна задачка, спустили с самого верха – из Балмакары. Только это не расследование, а, скорее... проект. – И он наклонился вперед. – Не буду тебе напоминать, что иногда такие вещи выходят за рамки обычной секретности.

Фулкрон бросил быстрый взгляд на дверь, убеждаясь, что она плотно закрыта.

– Император встревожен, Фулкрон. Он убежден, что Виллджамур катится в тартарары, а эта преступница, Шалев, не дает ему покоя.

– Хорошо его понимаю, – ответил Фулкрон.

– Уртика считает, что именно она стоит за всеми крупными преступлениями последнего времени, в особенности за террористическими атаками на военные посты и крупнейшие магазины верхних уровней, включая и тот случай с Колокольной башней. Городские патрули облажались. Нормы морали расстреляны ко всем чертям.

– А у него есть план? – поинтересовался Фулкрон.

В ответном взгляде Варкура явственно читалось: «Заткнись».

– Ага. У императора Уртики есть план, да еще какой. Особый проект, о котором он не хочет говорить ни с кем, кроме Инквизиции. Беда в том, что я не могу дать ему много людей. Точнее говоря, я могу дать только одного.

– То есть меня?

– То есть тебя.

– И что я должен буду делать?

– Хороший вопрос. – Варкур со вздохом откинулся на спинку кресла. – Я не совсем понял, в чем именно будет заключаться твоя роль, но, судя по всему, ему нужен кто-то сведущий в своем деле, умеющий быть начеку. Дело как-то связано с новейшими технологиями, значит без ублюдков-культистов не обойтись. Ты молод, котелок у тебя варит хорошо, да и дотошности тебе не занимать. Глянешь на твой кабинет – и все сразу становится понятно.

– Спасибо, сэр.

– Рано благодарить-то. Я ведь так и не разобрался, чем ты будешь занят – может, чертовщиной какой. Суть в том, что Уртика питает к тебе особое доверие: только я упомянул твое имя, как он сразу вспомнил, что это ты распутал дело о нападении на казначейство пару лет тому назад.

– Неужели он не забыл?

– У политиков долгая память, когда им это выгодно.

– Когда я должен начать? – спросил Фулкром.

– Прямо сегодня. После полудня поедешь в Балмакару. Это будет особый проект, а поскольку Инквизиция еще не имела дела ни с чем подобным, то я учреждаю у нас особый отдел и назначаю тебя его начальником. Все равно ты вряд ли сможешь следить за ходом наших обычных дел, раз уж тебе предстоит работать с императором.

– Позвольте спросить, сколько людей будет под моим началом? – поинтересовался Фулкром.

– Ты один.

Проследив за тем, чтобы задержанные ночью подозреваемые и дебоширы были оформлены как полагается, Фулкром взял из конюшен Инквизиции лошадь и поехал наверх. С моря надвинулась низкая облачность, заморосил дождь, мелкие пронизывающие капли наполнили собой воздух, и многие высотные дома скрылись в тучах.

Виллджамур напоминал своим устройством слоеный пирог – семь уровней, один выше другого. Фулкром любил прихвастнуть тем, что может обежать весь второй уровень за два часа. Его громадные, плотно застроенные домами платформы поддерживали невероятной мощности арки. Все верхние платформы одним краем опирались на пещеры, другим – на городские стены, которые заодно препятствовали вторжению любой захватнической армии. Чем выше жил человек, тем он был богаче; на самом верху, видимая из каждого уровня, стояла, словно мрачноватое украшение на торте, могучая крепость, императорская резиденция – Балмакара.

Фулкром ехал по улицам, где узкие трех-четырёхэтажные дома с белеными, выложенными морской галькой, а местами известняковыми фасадами едва не заваливались друг на друга, точно пьяные. Их деревянные несущие балки прогибались от старости, и все же старые здания умудрялись не терять достоинства. Всюду сновали торговцы, пробираясь кто с ирена на ирен, а кто и в магазины верхних уровней; горожане, в мехах и вощеных капюшонах, копались в разложенных на прилавках товарах или устремлялись в ближайшую таверну или бистро.

Кобыла Фулкрома неспешно перебирала копытами по скользкой мостовой, а сам он старательно здоровался с каждым, чей взгляд ему только удавалось поймать. Горожане напрасно беспокоились – да, уровень преступности, конечно, повысился за последнее время, но дело обстояло вовсе не так плохо, как многим казалось. Послушать некоторых, так можно было подумать, что вся власть в городе давно уже перешла в руки гангстеров из Кейвсайда. В реальности до этого было еще далеко; да и Фулкром, который по роду своей деятельности все чаще имел дело с кражами со взломом, грабежами и нападениями на улицах, с убийствами, слава Бору, встречался крайне редко.

Так отчего же император выбрал именно его? И чем ему предстоит заниматься? Фулкром строил разные предположения, но, кроме той связи, о которой упомянул Варкур, ничего дельного так и не нашел. А может, это как-то связано с тем расследованием, которое они проводили с Джеридом, когда спасли беженцев?..

«Нет, это уже паранойя. Никто не знает о том, кто еще тогда участвовал, кроме Джерида».

Скорее всего, его выбрали просто потому, что все знают: у него нет жизни за стенами Инквизиции. Трезвая мысль. Ему не о ком заботиться: жены не стало, родня только дальняя. «Да, я одинок в этом мире, но я не несчастен».

На каждом новом уровне охранники тщательно обыскивали Фулкрома даже после того, как он показывал им свой служебный медальон с угловатым изображением инквизиторского тигля. Солдаты стояли гарнизоном в небольших караульнях, и после недавних нападений им вменили в обязанность останавливать и обыскивать всякого входящего гражданского. Он

знал об этом и не подымал шума. Напротив, он считал, что именно ему, служителю Инквизиции, следует подавать простым гражданам пример: если уж он мирится с этим, то они и подавно могут потерпеть. Хорошо уже то, что его вообще впускают, – большинству жителей, чтобы перебраться на уровень-другой выше, надо иметь при себе специально оформленные предписания.

С тех пор как членами анархистского подполья из Кейвсайда была взорвана Колокольная башня, император Уртика правил железной рукой. Фулкром был удивлен – до недавнего времени само слово «анархисты» использовалось разве что в шутку, для обозначения отдельных недовольных, мало что смысливших в политике. Но стоило в городе появиться Шалев – сразу после отбытия в северный поход легендарной Ночной Гвардии, – и анархисты превратились в силу, с которой приходилось считаться.

– Нет, никакого Совета не было тогда в Колокольной башне, – рявкнул император Уртика, полновластный правитель Уртиканской империи, повелитель семи островов Боральского архипелага и, как вынужден был признать Фулкром, темпераментный человек, – потому что я не идиот.

Конечно, Фулкром следовало бы проявить осмотрительность и не задавать столь очевидных вопросов всего через несколько недель после события, но он все же не ожидал от императора такой... эмоциональной реакции.

Атмосфера страха наполняла золотые залы Балмакары. Слухи циркулировали среди придворных и прислуги, то и дело выплескиваясь через стены в город. Все, что Фулкрому доводилось слышать об этом человеке за последнее время, вдруг пришло ему на память.

Уртике было уже хорошо за сорок, он был высок ростом, в его коротко стриженных темных волосах проглядывала обильная седина. Из-под его пурпурного плаща виднелась серая туника – не зеленая, как у всех советников, но в то же время и не бросающая, обнаруживающая его желание казаться человеком из народа. Было у него и обаяние, некая природная привлекательность правильных черт лица и волевого подбородка, однако все претензии на светскость тут же слетали с него, стоило ему открыть рот.

– Прошу меня простить, мой император, Инквизиции мало что сообщают о подобных делах, – покорно пробормотал Фулкром. – Я, конечно, знал, что все уцелели, и задал свой вопрос чисто риторически, отдавая дань восхищения вашему тактическому гению.

– Да-да, конечно... все в порядке, – сказал Уртика. – Постарайтесь только впредь обходиться без лести. Мне и так льстят все вокруг днями напролет.

Зал предназначался для официальных приемов – с зеркалами от пола до потолка, портретами в полный рост и таким огромным камином, что в нем запросто можно было зажарить быка. Рассеянный свет из многочисленных окон наполнял пространство переливчатой дымкой. Уртика восседал за громадным столом с мраморной крышкой и безвкусной, хотя и богатой, каймой из золотых листьев. На столе лежала аккуратная стопка бумаг: как оказалось, гранки «Народного обозревателя», нового имперского новостного издания – единственного с тех пор, как Уртика закрыл все остальные. Официальный листок распространялся бесплатно как на верхнем, так и на всех остальных уровнях города, в том числе в Кейвсаиде. Отдельные выпуски даже развозили по дальним окраинам империи, чтобы городские бейлифы, специальные уполномоченные и старшие офицеры могли, опираясь на официальное издание, распространять важную информацию среди своих подчиненных. Лежавшие теперь перед императором листы пестрели карандашными пометками – исправлениями, предположил Фулкром. Он лишь однажды читал «Народный обозреватель», но этого раза ему хватило, чтобы понять: этот абсолютно беззубый печатный орган никогда не напишет ничего стоящего. Большей частью в нем шла речь о выходках разных лордов, леди и других светских

особ, и лишь изредка можно было встретить поражавшее своей лаконичностью сообщение о подготовке к войне в Виллирене, куда совсем недавно направили солдат Ночной Гвардии.

Уртика, между тем, объяснял, как именно ему удалось не взлететь на воздух вместе с башней. Он заранее распространил ложную информацию о месте предстоящего заседания Совета, как поступал теперь каждый раз, а перед самым заседанием изменил свое решение. С тех пор как террористы подожгли Атриум сразу после бегства императрицы Рики, он не доверял никому в Балмакаре. Двадцать дней прошло после того пожара, двадцать дней ворота между уровнями стояли на запоре, двадцать дней подряд усиливалось присутствие военных патрулей на улицах... и вот результат: чертовы террористы уничтожили одно из самых знаковых архитектурных сооружений города.

– Ублюдки! – рывкнул Уртика и так хватил по мраморной столешнице металлическим кубком, что на его сверкающем боку появилась заметная вмятина – след монаршего гнева.

– В самом деле, – поддакнул Фулкром.

– Как я понял, ты был среди тех немногих, кому удалось подобраться к этим сволочам достаточно близко? – Откинувшись на резную спинку стула, Уртика положил на стол ноги, словно готовясь с комфортом поразмыслить на досуге.

– Да, это так. Они работают – по крайней мере, в тот раз работали – с культистами, как и говорилось на императорском совещании. – И Фулкром подробно описал все, что видел в тот день.

– Культисты – неслабый народ... – Внезапно успокоившись, Уртика направил разговор в другое русло. Наверняка он уже знал все, что рассказал ему Фулкром, не могли ведь ему не донести об этом с самого начала, и теперь просто испытывал следователя.

Фулкром занервничал. В теории ему предстояла еще долгая жизнь в рядах Инквизиции, но он чувствовал, что сейчас его карьера висит на волоске.

Уртика продолжил:

– Происшествие с Колокольной башней было одним из целого ряда, и этот ряд за последнее время вырос так, что мы уже не можем чувствовать себя спокойно. Не знаю, что именно привело к такой вспышке преступности, но в том, что такую вспышку мы наблюдаем, у меня сомнений нет. Говорят, во всем виноваты анархисты, которые требуют передать всю власть над городом народу. Иными словами, они идут против существующей власти – моей власти. Их образ действий разительно изменился – по сравнению с тем, что они позволяют себе нынче, даже тот небольшой мятеж месячной давности выглядит сущим пустяком. Но теперь нам не до смеха. У них появилась организация. Их листовки распространяются по всему городу. Разведка сообщает, что многие интеллектуалы поддерживают их, образованные мужчины и женщины превращаются в пятую колонну. Они говорят о таких вещах, как зарплатное рабство и самоорганизация. Они цитируют выдержки якобы из документов Совета с целью доказать жителям города, что и Совет, и Инквизиция функционируют вовсе не для их блага.

Фулкром покачал головой:

– Ужасно, мой император. – Хотя в глубине души ему стало противно от того, как мало информации попадало в официальные каналы Инквизиции. Много из того, о чем говорил сейчас Уртика, он слышал впервые.

– Ложь распространяется, как зараза, Фулкром. Под покровом ночи в укромных уголках города проходят тайные встречи, а когда военные прибывают туда, они никого не находят. Ходят слухи, что в некоторых районах Кейвсайда появились группы людей, которым больше не нужны деньги, потому что все необходимое для жизни они получают даром. Говорят, они считают Шалев спасительницей, но ты и я знаем, что это неправда. Она преступница и террористка.

– Мой император, мне только сегодня утром принесли доклад, – начал Фулкром. – Магазины грабят прицельно. Военных избивают на улицах. Обитатели верхних уровней города живут в постоянном страхе.

– И это как раз то, чего я не должен позволять. Не мне тебе говорить, как много лишней работы это создает вам, Инквизиции.

Фулкром с достоинством улыбнулся:

– Мы стараемся.

Уртика согласно кивнул:

– Вы много и хорошо работаете. Но у меня есть свои агенты, которые совсем недавно узнали об организации анархистов, и то, что они рассказали, мне совсем не нравится. Я не могу позволить кучке негодяев прибрать к рукам дела всей империи.

Фулкрому не нравилось, что император совсем не выбирает выражений, точно психопат. В конце концов, не кто иной, как он виновен в попытке массового убийства беженцев.

– Мне кажется, что у вас созрел план, мой император.

– Верно. – Уртика скинул со стола ноги и подался вперед, держа Фулкрома под прицелом своего взгляда, изучая его. – До сих пор от городской стражи не было никакого толку, более того, насколько мне известно, кое-кто из них и сам поет под дудку мерзавцев. Но ты, Фулкром, как служитель Инквизиции, которому я доверяю, станешь частью моего плана.

– Это большая честь для меня, – солгал Фулкром.

Уртика договорился с культистами. Больше он ничего объяснять не стал.

Вдвоем они прошли в другой зал для приемов: он находился в самом дальнем углу императорской резиденции, в скале, которая служила основанием Балмакары. Слуги и придворные кружили возле Уртики, как мотыльки возле свечи, но от Фулкрома не укрылось общее для всех лиц выражение тревоги и страха как-нибудь оплошать перед императором.

Коридоры, которыми они шли сначала, отличались показной пышностью – кремевые плиты пола, статуи, картины, бюсты вдоль стен, на их позолоте яркие блики от тысяч ламп и светильников. Но вдруг на смену этой роскоши пришел простой ковер, украшения по моде прошлого года, бюсты не столь известных и уважаемых личностей. А уж когда они стали углубляться в пещеры, от прежнего убранства и вовсе ничего не осталось: лишь голые стены да примитивные кенкеты, скупо освещавшие длинный коридор, который был бы совсем пустым, если бы не два телохранителя, следовавшие за ними на некотором расстоянии, как приказал император.

По правую руку от них показались две двери, одна была окована железом – ее-то и распахнул Уртика, резко рванув на себя. Стражник по ту сторону двери сделал неуверенное движение и вытянулся в струнку.

– И это ты называешь безопасностью? – окрысился на здоровенного молодца Уртика. – Да я мог оказаться кем угодно! Я мог бы уже сто раз тебя убить!

– Прошу прощения, мой император. Больше не буду, сэр.

– То-то же. – Уртика шмыгнул мимо стража в зал, Фулкром спокойно последовал за ним.

За громадным круглым столом из дуба сидели трое, все в типичных культистских одеяниях с капюшонами. Стены вокруг были голые – ни картинки, ни гобелена, только неровности дикого камня отбрасывали странные тени при колеблющемся свете свечей, так что казалось, будто они покрыты рябью. Похоже, у этого зала было лишь одно достоинство – он находился вдали от любопытных глаз.

Сидевшие за столом встали, когда Уртика появился в зале, и снова опустились на свои места, лишь когда он, усевшись, знаком показал им сделать то же.

– Прошу, – сказал он Фулкрому и указал на пустое кресло.

Затем он представил присутствующих друг другу. Двое мужчин и одна женщина напротив Фулкрома оказались представителями разных культистских сект, которые, как предположил следователь, согласились сотрудничать с империей в обмен на личную безопасность и немалые блага.

– Вы трое знаете, в чем суть, – продолжал Уртика. – Следователь не знает. – Он повернулся к Фулкрому. – Они принимают участие в моем спецпроекте. Несмотря на все наши усилия ограничить передвижение людей по городу и умножить присутствие военных на улицах, насилие из пещер продолжает распространяться.

Фулкром ответил ему спокойным взглядом.

– Мне понятно ваше желание покончить с этим; мы в Инквизиции стремимся к тому же.

– Осуществить наши желания нам и помогут наши друзья-культисты, – улыбнулся Уртика. – Они уже довели свои разработки до той стадии, когда их можно начать соединять с плотью и кровью. Вы наверняка слышали о практике усиления природных способностей человека, которая в ходу среди солдат Ночной Гвардии, ныне квартирующих в Виллирене. Так вот, они разработали улучшенную методику. Применимую и к людям, и к румелям. Эта методика позволяет внедрить суперспособности в организм. – И Уртика горделиво откинулся на стуле, сложив на груди руки.

– Вы же не хотите, чтобы я... – Фулкром постарался скрыть овладевшую им тревогу. Он даже расстегнул воротничок.

– Нет, конечно же, нет, – рассмеялся Уртика. – У нас уже есть на примете трое, пригодные для данной работы.

– Кто они? – спросил Фулкром. – И какова моя роль в вашем плане?

– Нам нужны люди не только достойные доверия, но такие, чьи тела будут позитивно реагировать на производимые с ними манипуляции. Их предстоит наделить особыми способностями, но, к сожалению, у нас уже были добровольцы, с которыми этот опыт закончился плачевно. Значит, нам нужны те, на кого мы, в случае необходимости, сможем оказывать... давление.

– Шантаж? – вставил следователь.

– Нет, всего лишь мера безопасности, на всякий случай. Они ведь станут обладателями исключительной анатомии, вы же понимаете. В сущности, мы создадим новый человеческий вид для защиты нашего города – героя народных масс. Больше того – супергероя, если хотите, существо, способное в одиночку противостоять целой армии. Именно такие бойцы нужны нам для борьбы с преступностью, с их помощью мы справимся и с анархистами, и с прочими грозящими нам опасностями.

Фулкром не знал, что сказать. Культисты глядели на него с высокомерием, откинувшись на спинки своих кресел.

Уртика продолжал:

– А вы, следователь Фулкром, должны будете стать тем звеном, которое свяжет их с законом. Вообще-то, мы хотим, чтобы вы работали с ними постоянно и обеспечивали им доступ ко всей информации из каналов Инквизиции; мы выбрали именно вас, поскольку, если верить вашему начальству, вы умеете находить подход к самым разным людям. А этими индивидами придется управлять не только кнутом, но и пряником, чтобы обеспечить успех. Вы расскажете им обо всем, что нас в данный момент беспокоит, и дадите им в руки все необходимые ниточки.

– Супергерои, – эхом повторил Фулкром, напуганный до того, что даже не посмел задавать вопросы.

Потом заговорили культисты: они, как им казалось, посвятили его в самую суть, хотя на самом деле только запутали его избыточной терминологией. Они говорили об оперативных вмешательствах и рассуждали об индивидах. Каждый по очереди прочел целую лекцию

на свою тему: метаанатомия, металлическое усиление, замещение органов, перезлектрификация.

Уртика уже знал все, что ему было нужно, и Фулкром ясно видел, что он тоже не очень-то понимает, о чем сейчас идет речь.

– Итак, следовательно. Можете ли вы гарантировать нам свое участие в нашем проекте?

– Конечно. Один вопрос, если позволите. Кого вы избрали на роль этого нового трио?

– Разумеется, вы это узнаете, – ответил Уртика. – Собственно, один уже у нас в тюрьме, на инициации второго сегодня вечером я попрошу вас присутствовать. Вряд ли его будет трудно убедить. К тому же вы с ним уже знакомы.

Глава седьмая

«Лучшие вечеринки – это те, которые происходят спонтанно», – думал Фулкром, бродя по квартире в пентхаусе на пятом уровне города. Наверное, поэтому у него никогда не выходило ничего путного: неумолимый организатор по природе, он всегда слишком жестко регламентировал те редкие сборища, которые у него случались, так что никто из его гостей не мог в должной мере расслабиться и получить удовольствие.

Зато тут, подумал Фулкром, все как надо. Нет, что ни говори, а помощник Тейн знает секрет, как собрать в комнате много народу и сделать так, чтобы всем было весело. Дочери землевладельцев танцевали со следователями, сыновьями советников и просто людей со связями.

Тейн, совсем недолго прослуживший в Инквизиции, уже стал из-за этого легендой – о его вечеринках слухи распространялись задолго до их начала и не стихали еще много дней после конца. В его квартире, с высокими потолками, современной живописью и узорными кенкетами на стенах, модными белыми полами и скульптурами из цветного стекла работы самых известных виллджамурских стеклодувов, молодые люди и девушки – как люди, так и румели – могли спокойно пообщаться, забыв хотя бы на время о ледниковом периоде, о росте преступности в городе и о войне в далеком Виллирене.

Они пили вино. Беззаботно целовались с незнакомцами. Фулкром прекрасно понимал, что они ведут себя так только потому, что хотят забыться. Иногда в богатых кварталах давали по нескольку вечеринок одновременно, и тогда на улицу выставляли доски с расписаниями танцев, чтобы каждый желающий мог планировать свои развлечения заранее.

Все это не очень нравилось Фулкром; он никак не мог заставить себя забыть о беженцах, которые, может быть, умирали в эту самую минуту, выставленные на жестокий Мороз.

В углу двое молодых людей примерно одного возраста с Тейном – лет около тридцати – хвастались друг перед другом своими новыми мечами, демонстрируя богато изукрашенные рукояти и пробуя сталь клинков. Рядом какая-то девушка, привстав на носочки, шептала что-то на ухо другому мужчине. Музыканты – лютнисты, барабанщики и певцы, все с андерграундной сцены, – выдавали изумительные мелодии и ритмы. Одежда приглашенных напоминала показ мод – все новейшие тенденции были налицо: высокие воротники, теплые платья с низкими вырезами, сапоги-ботфорты. Кто-то отважно открыл окно – надышали! – и с морозной улицы в комнату потянуло свежим ароматом соснового леса.

Один из следователей-румелей подошел к Фулкрому и, дохнув на него алкоголем, забормотал:

– Слыш-шь, этот Тейн, он ведь помо... помощник-то никакой, а вечеринки устраивает – закача... закачаеш-шься.

«Дурак», – подумал Фулкром. Хотя, с другой стороны, возможно, он прав. Станет ли когда-нибудь Тейн хорошим помощником следователя? Он уже четыре года экзамены сдает, все никак не сдаст. Если бы не его на удивление большой трастовый фонд, из которого он с такой щедростью помогает Инквизиции... «Не надо так о нем, – мысленно оборвал себя Фулкром. – Не сегодня».

К Фулкрому то и дело подходили девушки в платьях, совсем непригодных для ледниковой эры. Пленительные юные создания с глазами, сулившими все радости мира, они облизывали губы, говоря с ним.

– О, обожаю симпатичных румелей вроде тебя.

– Ты такой красивый, и люди говорят о тебе столько хорошего.

– Почему же ты один?

Но Фулкром был либо слишком хорошо воспитан, либо чрезмерно застенчив, чтобы получать удовольствие от подобного стиля общения. Непроизвольно ежась от их развязности, он со всей доступной ему любезностью отклонял их намеки и предложения. А в это время Гейл, девушка-администратор из Инквизиции, танцевала с другим следователем-румелем, то и дело поглядывая на Фулкрота, видит ли он.

Фулкром вздохнул. Сможет ли он еще полюбить когда-нибудь?

«Наверное, есть вещи, с которыми просто нельзя свыкнуться, – думал он. – Сколько лет уже прошло? Хорошо еще, что я трудоголик».

Его внимание привлек чей-то разговор за спиной:

– И чего он из кожи лезет, не понимаю. Все равно все знают, что он некомпетентен.

Беседовали старшие администраторы Инквизиции, вороны, с которыми он лишь изредка встречался в коридорах, – они были из тех, кто предпочитал отсиживаться за книгами, а не ходить по земле.

– Бесспорно, – продолжал другой, – но, говорят, у него бумажник здорово подбит. Да и архиинквизитор водит дружбу с его родителями.

– Кстати, на чем они так разбогатели? – спросил первый, в красной тунике. – И зачем ему вообще служить, раз у него...

И тут Фулкром увидел Тейна, который вдруг вырос за их спинами: высокий, светловолосый, голубоглазый, в безукоризненно сидевшей на нем пурпурной тунике с золотым кантом и пуговками. Обаятельный красавец, он сумел сохранить улыбку, даже услышав этот нелестный для него разговор, – очевидно, она помогала ему отгородиться от всего неприятного.

Вздыхнув, он пригнулся и обратился к тем, кто только что поливал его грязью. Похоже было, что вдох и выдох помогли молодому человеку избавиться от овладевшего им на миг гнева.

– А затем, мои дорогие друзья, что кое-кому действительно хочется приносить пользу. Такое вам никогда в голову не приходило?

– Слушай, Тейн... Извини, мы просто не видели, что ты рядом.

– Ну, раз не видели, то, значит, можно говорить что угодно? – Тейн выпрямился и отошел от них, все так же улыбаясь. Те двое тут же поднялись и устремились к выходу, лавируя между подвыпившими гостями, а он смотрел на них сверху вниз с высоты своего роста.

Затем стройный молодой человек вздохнул, закрыл глаза и словно окунулся в поток наплывавшей на него музыки, а Фулкроту вдруг стало его жалко. Сделав к Тейну шаг, он положил тому на плечо свою руку: «Сегодня, бедный мой Тейн, ты обретешь цель в жизни».

– Не стоит переживать из-за них, Тейн, – сказал он вслух. – Твое время настанет – скорее, чем ты думаешь.

Однако было уже поздно, и Фулкром решил, что тайные агенты Уртики, его новая стража, не придут за Тейном сегодня. По их замыслу, нанести удар следовало в самом разгаре вечеринки, при большом скоплении людей, чтобы опозорить Тейна перед ними и тем вернее привести его в подчинение. У Фулкрота были свои сомнения относительно этого метода, он считал, что с человеком можно договориться и по-другому, однако изначально император настаивал на еще более жестоком способе. Так что это было еще компромиссное решение.

Гости готовы были, похоже, веселиться до рассвета. Было уже далеко пополудни, когда дверь вдруг распахнулась и четверка в серых плащах, широкополых шляпах и с шарфами, прикрывающими лицо, ввалилась в квартиру.

Все происходило при свечах.

Ростом ничуть не ниже Тейна, пришельцы подняли его с дивана, чтобы смотреть ему глаза в глаза. Те из гостей, кто еще не свалился под стол от выпитого, глазели на происходящее, и Фулкром сделал серым знак вести себя потише.

– Все нормально, парни, – сказал он им. Он, конечно, знал, что у них приказ поугагать Тейна как следует, но они, судя по всему, приготовились стереть его в порошок.

Так вот, значит, каковы они, эти императорские спецагенты, выполняющие по его приказу грязную работу за закрытыми дверями, грозная замена Ночной Гвардии. Они наводили на него жуть, но он знал, что это нормально, – элемент страха всегда необходим.

– Что... что я сделал? – заикался Тейн, вдруг растеряв все свое хладнокровие. Его глаза так и бегали с одного серого плаща на другой, страх и безнадежность были написаны у него на лице.

– Мы с тобой разберемся, Тейн, – фыркнул один из них, Фулкром не понял кто.

– Мы слышали, тебе не очень-то рады в Инквизиции, – прошипел другой, хватая Тейна за воротник. – Говорят, ты просто избалованный маменькин сынок.

– Кто говорит? – тревожно спросил Тейн, стараясь держать голову прямо.

– Никто, просто слухи, – а по другим слухам, ты хороший человек, – вмешался Фулкром; ему показалось, что серые плащи слишком уж вошли во вкус.

Тот, который держал Тейна за воротник, оглянулся на Фулкрота, выпустил ворот, и Тейн тут же отпрянул, отряхиваясь. Его обращенный к Фулкроту взгляд был полон почтения.

– Может быть, так оно и есть, только я что-то не пойму, вам-то что до этого? – Тейн обращался ко всем серым плащам сразу. – И кто вы, черт побери, такие?

– Спору нет, ты благонамеренный, но все равно дурак и некомпетентный, – прошипел еще один в сером, причем злоба так и сочилась из его глаз. – Это все знают.

– Слушайте, нельзя же так просто врываться и...

Тейн сделал попытку пройти мимо них, но его схватили, швырнули в кресло и надавали пощечин – хорошо, что он немного осоловел от выпивки, подумал Фулкром. Некоторые гости, делая вид, будто ничего не замечают, украдкой тянули шеи, прислушиваясь к происходящему, и только одна парочка самозабвенно целовалась в углу, безразличная ко всему.

– Заткнись и слушай, придурок. Ты землю роешь, но у тебя проблемы, мы знаем. Мы знаем, откуда у твоих родителей деньжата, и еще мы знаем, почему ты так рвешься помогать Инквизиции.

Тейн посмотрел на них большими глазами.

«Ясно, – подумал Фулкром, – вот, значит, чего боится наш славный паренек Тейн. Он боится, как бы его секреты не стали известны слишком многим».

– Мы знаем, зачем ты устраиваешь вечеринки, – продолжал шептать серый плащ, – покупаешь себе друзей, хочешь всем понравиться, надеешься, что игра в помощника следователя избавит тебя от комплекса вины...

– Ладно, хватит! – крикнул Тейн. – Я все понял. Джентльмены, я весь внимание. Ради всего святого, объясните внятно, чего вы от меня хотите?

– Будет лучше, если ты послушаешь этих ребят, Тейн, – снова вмешался Фулкром. – Не суетись, не то они превратят твою жизнь в кошмар.

– И ты тоже с ними?

– Слушай, Тейн, городу нужна твоя помощь. Помощь человека честного и любящего свою работу. Такого, который будет служить нам верно и никуда не сбежит. Такого, с кем мы сможем достигнуть взаимопонимания... в общем, сговорчивого.

– Похоже на шантаж, – заметил Тейн.

– А он не так глуп, как его представляют, – вслух сказал один из серых, и Фулкром послал ему злобный взгляд.

Незачем понапрасну унижать человека. Тейн на все согласен, ведь они уже и так нащупали его слабое место – боязнь огласки. Серый плащ схватил Тейна за волосы и запрокинул ему голову, – к чести парня, тот даже виду не подал, что ему больно.

– Сговорчивость – самое ценное качество в наших глазах, – сказал агент.

– Ладно, считайте, что мы договорились, – отвечал Тейн, – только отпустите.

Серый плащ повернулся к Фулкрому и кивнул; к удивлению следователя, он и правда отпустил волосы Тейна. Тот подался вперед и принял небрежную позу. Фулкром сам изумился тому, сколько у него оказалось власти.

– Он ваш – дальше договаривайтесь сами, – сказал агент. Тейну он пригрозил: – Если ты заартачишься и все испортишь, то Фулкрому стоит только нам моргнуть, и мы тебя изпод земли выроем, и тогда ты будешь умирать медленной и мучительной смертью.

– Отлично, – шепнул Тейн. – Но послушайте, я даже не знаю, чего вы от меня хотите.

С неколебимым спокойствием они один за другим выскользнули из комнаты, оставив полуоткрытой дверь.

Слегка обескураженный, Тейн отряхнулся, привел себя в порядок и только тогда обратился к Фулкрому:

– Я всегда знал, что ты себе на уме, но такого не ожидал.

– Я тоже, – признался Фулкром.

– И чего ты от меня хочешь?

– Пойдешь со мной в Балмакару. Но сначала оглянись кругом, посмотри внимательно на лица этих людей, на которых ты так любишь производить впечатление. Ты ведь хочешь, чтобы тебя все любили... – Фулкром наклонился к нему и прошептал: – Подумай, что они станут думать о тебе, если узнают, откуда у тебя деньги!

Выражение лица Тейна, написанная на нем решимость сказали Фулкрому, что он с ними, на его сотрудничество можно рассчитывать.

– Вот именно. Скорее всего, они захотят линчевать тебя сами. Ты избран, Тейн. Не подведи меня.

– Ладно. Только дай мне хотя бы прибраться сначала.

Со следующим будет не так легко, понял Фулкром. Его не запугаешь.

За окном стоял адский шум. Пьяный юнец решил, что некто спит с его подругой и что именно теперь настало время разобраться с ним раз и навсегда. Вулдон слышал, как парень тянул из ножен меч – то ли с трудом, то ли со страхом. Парень либо психически неустойчив – и тогда его, скорее всего, убьют; либо он слишком хладнокровен, чтобы драться как следует, и значит его все равно убьют. Ни то ни другое состояние не годится для успешной драки.

«Виллджамур уже не самый приятный город для жизни. Да вряд ли и был таким когда...» Его прежняя жизнь промелькнула перед его внутренним взором в одно мгновение: поножовщины в темноте, жестокие схватки на мостах, случаи, когда он, опоздав, находил на месте преступления лужи крови и отрезанные головы... «Точно, и в те дни ничего хорошего не было».

Вулдон закрыл ставни, чтобы сохранить тепло, налил себе дешевого рома «Черное сердце», зажег самокрутку из арума, опустился в потертое кожаное кресло и, как всегда по вечерам, принялся процеживать воспоминания в поисках какой-нибудь зацепки.

Сидя один в темноте своей изолированной квартиры в доме-террасе, он никак не мог сосредоточиться. Воспоминания приходили к нему все сразу, разные фрагменты жизни вперемешку, бессвязные и искаженные. А он любил каждую ночь переживать один определенный миг, глядя на него из своего настоящего и испытывая меланхолию.

«Те дни давно прошли, Вулдон, так что отпусти их и забудь».

Но сколько он ни уговаривал себя, ничего не помогало. Помнило тело, помнили болящие мышцы, сломанные когда-то кости ныли и не давали забыть: драка на ножах, потасовка на крыше, прыжок с моста в попытке кого-то спасти.

Тридцать лет прошло с тех пор, тридцать лет как один день.

Тридцать лет прошло, и за ним снова пришли люди императора. Тайные агенты, действующие в таких глубинах городской жизни, что о них не знают даже ночные гвардейцы. Зато Вулдон знал; он сам работал с ними в прежние дни, с ними или с другими, как они, в какие бы наряды ни обряжал их очередной правитель.

Вулдон не был глуп. Он давно ждал. И выследил их еще два часа тому назад: они расставили людей на каждом углу – фирменный почерк их конторы, – проверили улицы и крыши. Их легко заметить, когда знаешь, куда смотреть. Их целью был его дом на втором уровне Виллджамура, точнее, его квартира на третьем этаже – эта поганая дыра над закрывшейся не так давно таверной; совсем не похоже на его прежнее гламурное жилье.

Пинком выбив дверь, они ворвались в квартиру, где он сидел, развалившись, в кресле, на полу рядом с ним стояла початая бутылка «Черного сердца», а кончик его самокрутки тлел в полумраке.

Они окружили его – их было пятеро; высокие, худощавые, в длинных серых плащах, широкополых шляпах, с шарфами, прикрывающими лицо, они походили на тени, которые просочились в его жилье через полуоткрытую дверь. Стояли, опустив руки в карманы, холодные и отчужденные, точно призраки. Как обычно, держатся на расстоянии от человека, который может хорошо дать в морду, – всегда были такие.

«Ублюдки!»

– Где это вы так задержались? – буркнул Вулдон. Облако арумового дыма окружало его, полулежавшего в кресле. – Что-то вы стали осторожничать. Хорошо хоть не такие неуклюжие, как городская стража.

– В наше время осторожность не помешает, Вулдон, – просипел в ответ один из них. – В Виллджамуре сейчас творится много всякого – и в основном под землей.

– Вот как? Ну, мне-то это теперь без интереса. – И он опять затянулся самокруткой. – А вы с чем пожаловали?

– Не с чем, а зачем, Вулдон. Мы пришли за тобой.

– И какого лешего вам от меня понадобилось? Думаете, сможете принудить меня еще к чему-нибудь? – И он расхохотался, хотя его смех не понравился ему самому.

– Нет, Вулдон, никакого насилия, мы ведь знаем, что оно все равно не поможет, – ты слишком упрям.

Это был уже другой голос – культурный, но твердый, он, наверное, принадлежал вожаку. Вдруг он заметил у говорившего хвост – румель; значит, воняет Инквизицией.

– Это ты правильно сообразил, – сказал он.

– О тебе ходили легенды, Вулдон, – продолжал тот же голос. – Точнее, ты сам Легенда.

– Легенды не живут над засранными тавернами. – И Вулдон сделал ладонями поднятых рук движение от себя, точно говоря им: «Уходите». – Я слишком стар, – повторил он в темноту, в которой незваные гости вырисовывались неясными силуэтами. – Вы знаете меня только по тем историям, которые обо мне рассказывали. Но это было давно. А сейчас мне уже под шестьдесят.

– У нас есть культисты, которые знают, что с этим делать, – произнес румель.

– У нас есть новые технологии, – добавил второй агент.

Вулдон не видел их лиц, да ему это было и не нужно. Они внушали ему только отвращение своими повадками: врываются в чужой дом, портят человеку вечер.

– Дайте мне умереть спокойно. Все равно от меня сейчас никому нет никакого вреда.

– Император Уртика приказывает тебе вернуться.

– Уртика? – переспросил Вулдон. – А что случилось с девчонками из династии Джамуров?

– Ты что, новостей не читаешь? Их давно нет, они пытались убить беженцев. Теперь вместо них Уртика, он приказал их казнить, но они сбежали. Уртика правит империей и Виллджамуром.

Вулдона, похоже, не очень огорчило то, что джамурские наследницы смылись из города. При одном воспоминании об этой семейке кровь закипала у него в жилах.

«Тридцать лет прошло...»

– И чего же хочет от меня ваш Уртика? – спросил Вулдон. – Кстати, вы хоть логово-то мое рассмотрели как следует? – Он чиркнул спичкой и зашарил вокруг в поисках фонаря.

И вот Вулдон предстал перед ними при свете: в засаленном халате и в мешковатых пижамных штанах. Все в доме было ему под стать: шторы, похожие на тряпки, ковер весь в пятнах, горы невымытой посуды, кипа газет в одном углу. Седые волосы на его некогда мускулистой груди встали дыбом, точно собираясь кричать о его возрасте, и он, будто вдруг вспомнив, кем был когда-то, смущенно прикрылся.

– От тебя воняет, – сказал один агент. – Вся твоя нора воняет.

– Я за собой в последнее время не слежу. Говорил же я вам – в историях все по-другому. Вы, поди, еще детишками были, когда их слушали.

– Ты мог бы снова стать кем-то, – сказал румель, гнедой, и в его голосе звучал оптимизм. – Если пойдешь с нами, мы позаботимся о том, чтобы с тобой хорошо обращались.

– Почему я? – Он заранее понимал, что любой их ответ покажется ему неудовлетворительным, ведь он знал их методы работы. Агенты говорят лишь то, что может повлиять на человека, а правда это или ложь – значения не имеет.

– Потому что ты был первым и самым лучшим, Вулдон, – сказал румель. – Ты был Легендой. И ты знаешь правила этой игры, ты умеешь в нее играть. Ты понимаешь преступников лучше, чем кто-либо другой; черт, даже мы в Инквизиции слышали о тебе.

– В том-то и беда – рассказов много, фактов мало.

– Твоя старая работа ждет тебя – в новом обличье. Мы предлагаем тебе шанс оживить Легенду; все, что тебе для этого нужно, – просто пойти с нами.

Слушая их, он смотрел в пол и переживал часть своей жизни заново.

– Мне уже не нравится это имя. Я не вспоминал о нем десятки лет, так что оставьте меня в покое.

– Ты лжешь, – сказал румель. – Я по голосу слышу. Мы даем тебе время на размышления. Завтра вечером вернемся.

Когда Вулдон наконец поднял глаза, их уже не было, только приоткрытая дверь напоминала об их недавнем присутствии. Соседская семейка уже вернулась домой, их детишки вопили так, что стенам впору было рухнуть. По коридору шла кошка; встав у его двери, она потянула воздух носом и пошла дальше, видимо передумав заходить в гости. Вулдон обвел глазами комнату и свои жалкие пожитки: ветхую мебель, пару старых книг, стопку чистых листов для самокруток, пустые бутылки из-под алкоголя и чернил, невымытую посуду.

Он поскреб пятерней свой щетинистый подбородок и хмыкнул: «Ишь, сюда и кошку не заманишь!»

Ему было так паршиво, что не хотелось даже вставать и закрывать дверь, но со временем он все же заставил себя это сделать.

У двери он со стоном наклонился, поднял с пола фонарь и пошел с ним в спальню, но по дороге задержался возле шкафа. Минуту-другую он стоял, раздумывая о его содержимом.

Когда он все же открыл дверцы, луч света упал в пыльное нутро шкафа и выхватил из темноты костюм – тот, из прежних времен. Он погладил ткань, ощупал пальцами отделку,

и ему показалось, будто он ласкает свои воспоминания. Вот она, его старая форма, та, в которой он ходил в другой жизни, однако ему пока не хотелось ее доставать.

«Нет, я еще не готов», – решил он, захлопнул дверцы и прошлепал в спальню.

В ту ночь, лежа в своей постели, он видел во сне свою жизнь.

Глава восьмая

Лан проснулась в камере, все тело ее болело. Кирпичные стены то надвигались на нее, то снова удалялись. Не один раз она вынуждена была лечь на бок, чтобы облегчить боль: ее руки были связаны за спиной, веревка обвивалась вокруг торса, голова трещала, как после хорошей попойки.

Все, случившееся с ней с тех пор, как она вернулась с Ислы, слилось в бессвязную мешанину. Может, это культисты сделали что-то с ее головой, порылись в ее памяти?

Нет, они тут ни при чем, с запозданием поняла она.

Культисты снабдили ее подложными документами на женское имя, чтобы она могла вернуться в Виллджамур, не привлекая ничего внимания.

Подъехав к главным воротам города, куда ее проводил один культист, она была поражена, увидев под стенами палаточный лагерь. Гуманитарная катастрофа растянулась на полмили вдоль обочин главной дороги в Виллджамур – сараи из листов тонкого железа и парусиновые палатки, ямы, в которых тлели маленькие костерки, давая больше дыма, чем пламени. Грязные, оборванные люди, все на одно лицо, что мужчины, что женщины, тем не менее смотрели на нее с интересом, когда она ехала мимо них. То и дело ей попадались на глаза люди в красивых одеяниях Джорсалира, они раздавали беженцам плоские хлебцы. Да, последний отрезок пути оказался испытанием не для слабонервных.

Миновав усиленный кордон стражи на входе – что с документами, сработанными Кайсом, оказалось совсем просто, – она решила сразу сделать одно небольшое, но важное дело: забрать свой ключ в одном из отделов Совета, подчинявшихся Инквизиции Виллджамура, для чего она назвала некий номер, и ей выдали деньги.

«Неужели в Виллджамуре и правда так легко начать новую жизнь?»

Наконец она вернулась в дом, который принадлежал ее семье, – старое здание, два этажа на поверхности, два под землей, на четвертом уровне города.

Каждый переулок, каждый обветшавший гранитный фасад на подходе к дому вызывали у нее все новые и новые воспоминания. Войдя в дом и вдохнув застоявшийся воздух, она первым делом принялась уничтожить все свидетельства своей прошлой жизни: письма, документы, фамильные вещи – все летело в огонь. Целый день она только и делала, что стирала саму фамилию «Кайн» из памяти Виллджамура. Не из страха и не из мстительного чувства – ведь, судя по тому, что родители завещали ей всю свою собственность, они все же любили ее хотя бы чуть-чуть; нет, для того, чтобы не сойти с ума в будущем. Для собственного спокойствия ей нужно было изменить этот дом так же, как изменилась она сама. Она боялась, что один вид многих комнат родного дома вызовет у нее приступ паники, но напрасно – сознание уже заблокировало доступ ко многому из того, что случилось с ней здесь в детстве. Воспоминания ненадежны и в лучшие времена, а она с годами научилась понимать и принимать чувства своих родителей, их ненависть к той, кем она себя считала. Отпустив эти воспоминания на свободу, она сразу почувствовала себя лучше. Лан твердила себе, что люди боятся и ненавидят лишь то, что им непонятно и чуждо. Ее преобразование приблизилось к концу.

Уже двадцатый день после операции на Исле Лан жила в Виллджамуре, но ее тело еще не полностью оправилось от вмешательства. Синяки образовывались в самых непредсказуемых местах, ее мучили внутренние боли в таких участках тела, о существовании которых она раньше и не подозревала. Но никаких заметных шрамов не было – лишь под ребрами белела тоненькая, еле видимая полоска, как от удара очень узким и коротким ножом. Време-

нами на нее вдруг накатывала слабость, сопровождавшаяся приступами тошноты и головокружения, но все реже и реже. На двадцатый день она чувствовала себя уже совсем хорошо.

Очень медленно она постигала, что это значит – быть женщиной в современном Виллджамуре. Много лет прошло с тех пор, как она покинула этот город, и, как оказалось, немало изменилось за эти годы.

Лан была теперь самой настоящей женщиной – с точки зрения анатомии. Она обладала теми же правами, что и любая другая женщина, и окружающие обращались с ней как с женщиной. Оказалось, однако, что город создан не для их блага. Двери перед ней, конечно, открывались, причем в буквальном смысле, и поначалу это было приятно, но дальнейшие знаки внимания со стороны мужчин были ей в тягость. Она не чувствовала себя такой уж красоткой, но то и дело ловила на себе мужские взгляды. Они пронизывали ее и были психологически абсолютно новы для нее, причем другие женщины, похоже, осуждали ее замашки недотроги. Стоило ей открыть рот где-нибудь на рынке, и торговцы тут же начинали проявлять к ней снисходительность. Она пробовала искать работу – у нее было достаточно денег на первое время, однако ей хотелось чем-то заняться, стать частью общества и вообще жить нормальной жизнью. Несколько дней она бродила по улицам города с уровня на уровень, присматриваясь к вакансиям.

В основном требовались официантки и швеи. Гильдии избегали принимать в свои ряды большое количество женщин, а домохозяйкой, как понимала Лан, карьеры не сделаешь. Можно было, конечно, пойти в армию, куда женщин брали без ограничений, но служба в экстремальных условиях где-нибудь на окраине империи была не тем, о чем она мечтала. Тем не менее у нее на руках был главный козырь – время, а значит она могла позволить себе роскошь, недоступную большинству женщин, – ждать и выбирать.

Бродя по городу в поисках работы, она испытывала чувство непривычного страха. То ли дело было в привыкании к новому телу, то ли в чем-то ином, вне ее лежащем, однако ей то и дело казалось, будто за ней следят. Может быть, это культисты наблюдали за ней, сделав ее участницей какого-нибудь своего эксперимента? Кайс ведь намекал, что может отыскать ее везде, если захочет проверить, как работает его магия, – хотя нет, он говорил «технология» и всегда злился, когда она называла это по старинке.

Может быть, это они за ней следят. Может быть, они ее оберегают.

Однажды промозглым, пропахшим запахами готовящейся еды утром Лан бродила между прилавками в поисках специй для ужина. Ирен был полон солдатами с мечами наголо, которые устрашали толпу.

Лан подивилась, зачем в столь мирном месте понадобилось присутствие такого количества солдат пехотного полка, в этой страшной черно-коричневой форме, да еще с оружием. Однако народу на ирене все равно было не протолкнуться, извиленные ряды кишели и покупателями, и продавцами. Под пестрыми навесами торговцев рыбой были выставлены баночки с пряностями и специями, кузнецы зорко стерегли свой товар – новые клинки или щиты, выкованные из закаленного металла. В ручных тележках по рядам возили дешевые побрякушки, стайки молодых женщин следовали за ними, окружая их при каждой остановке и склоняясь над товаром. Было шумно: продавцы выкрикивали цены на свой товар, солдаты, перекрывая их, отдавали какие-то команды, торговцы едой жарили обильно посыпанные пряностями морепродукты на гриле.

– Лан!

Кто здесь может знать ее по имени?

– Лан!

У нее не осталось в этом городе знакомых из прежней жизни, а такой, как сейчас, ее и вовсе никто не знал. По глупости, она обернулась посмотреть, кто это...

Хрясть. Рыночная площадь зазвенела воплями.

Последнее, что она запомнила, – это как группа солдат ринулась ей на помощь и тут же отступила, получив новый приказ.

Два удара в живот, один в голову – и она выключилась.

Позже, когда в голове у нее немного прояснилось, в камеру вошли какие-то люди в длинных серых плащах, с шарфами на лицах и забросали ее вопросами. Лан лежала на боку на тонком тюремном матрасе, веревка сдавливала ей грудь, наручники врезались в запястья, повреждая кожу. Под путами на ней была толстая серая туника и черные штаны, но, неизвестно почему, она вдруг почувствовала себя голой.

Лан скоро разобралась, что камера, в которой она находилась, больше походила на обычную спальню, чем на тюрьму, и заключила, что она еще не в самой большой беде. В камеру снова вошли люди. Один за другим они подносили к ее лицу фонари, чуть не тыча ими ей в нос. Не зная жалости, они терзали ее расспросами, заставляя подтверждать то, что и так уже, видимо, знали.

Так, ее заставили подтвердить, что она побывала на Исле, где встречалась с культистами.

Она чувствовала себя глубоко оскорбленной этим допросом. Ей даже захотелось плакать, но она запретила себе – только не у них на виду. Ей доходчиво объяснили, что ее тело оказалось чрезвычайно отзывчивым к технологиям древних. «Зачем тогда еще спрашивать, если вы и так все знаете?»

Как ей говорил тогда Кайс? «Не все так легко переносят вмешательство, как ты». Теперь те же самые слова ей повторили по крайней мере дважды.

Поначалу она отмалчивалась – потерять себя, свое новое самоощущение ей было едва ли не страшнее, чем потерять жизнь.

Слава Бору, вскоре они сняли с нее веревку, перетягивавшую ей живот, и вышли – видимо, чтобы обсудить полученные от нее ответы. Лан тут же принялась исследовать свои наручники. Искусство освобождаться от пут было ей не совсем чуждо: в цирке она видела немало таких трюков и многое о них знала, так сказать, изнутри. К примеру, она знала, что практически любые наручники можно открыть каким-нибудь острым предметом, а то и при помощи простого нажатия, – правда, неплохо бы сначала увидеть механизм. Ощупав свои наручники, она поняла, что ничего особенного в них нет и что их можно открыть, стукнув хорошенько по определенному месту. Повертев головой, она увидела, что лежит на железной кровати. Повернувшись к изголовью спиной и устроившись так, чтобы сохранить равновесие, она несколько раз хорошенько стукнула по раме заведенными назад руками в наручниках, по тому месту, где у них была скоба. Потребовалось целых восемь ударов, прежде чем пружина сработала, зато потом она с удовольствием ощутила, как проходит боль в руках.

«Похоже, что в Виллджамуре дорогие наручники не в ходу», – подумала она, растирая запястья.

Скоро вернулись похитители и удивились, увидев ее свободные руки и наручники, лежащие на матрасе, – к ее удивлению, они не стали ее бить, а дали ей воды и хорошей еды: плоских хлебцев с ароматным карри. Такая роскошь окончательно убедила ее в том, что убивать ее никто не собирается – по крайней мере, не сейчас. Хоть какое-то утешение.

Ее разбудил лязг железа. Серые плащи вернулись и теперь маячили в дверях. Но, кроме них, в камеру вошел кое-кто еще: высокий гнедой румель в малиновой инквизиторской тунике. Его голос прозвучал непривычно нежно для ее уха:

– Здравствуйте, Лан. Я следователь Фулкрот. Вы хорошо себя чувствуете? Мне жаль, что вам так досталось. Эти люди... они были не правы, что так с вами обошлись. – Тут между

следователем и серыми плащами произошел обмен взглядами. – Сейчас мы объясним вам, что от вас потребуется.

Лан толчком поднялась с матраса, села, спустила ноги с кровати и пригладила волосы. Румель подал ей руку и помог встать.

– Вот так, – сказал он.

Лан протерла глаза и зашлепала за ним следом.

Скоро они оказались в более цивилизованном мире – гладкий пол, оштукатуренные стены, лампы, дающие свет и тепло, бронзовые украшения и потолочные люки. Правда, сквозь них были видны лишь низкие серые облака, но по крайней мере было ясно, что на улице день. Когда к ней вернулась способность видеть, она поглядела на сопровождающих в сером, но их лица по-прежнему скрывали шарфы. Широкополые шляпы и глубокие капюшоны оставляли на виду только глаза – у всех одинаково светлые, человеческие, тревожные. Только у румеля глаза были совсем другие, и он, шагая впереди, то и дело оборачивался назад и подбадривал ее одобрительным взглядом.

Массивная дубовая дверь оказалась до того тяжелой, что распахнуть ее можно было только вдвоем. За ней открылась представительная комната, – судя по движению воздуха и эху шагов, она была большой. В сумерках она мало что могла разглядеть, кроме каких-то блестящих конструкций у дальней стены, вроде книжных полок с пузырьками с жидкостями и проводами. Блик света скользнул по ним – вырвался из них, – и они как будто ожили на секунду.

В центре комнаты стояли три кожаных кресла, два были заняты. Провожатые в сером полукругом рассыпались за ними, а ее толкнули в третье, свободное. Она стала рассматривать соседей: один оказался коренастым, могучим мужчиной лет примерно пятидесяти. У него была физиономия, заросшая трехдневной щетиной, и руки толщиной с ее бедро каждая, и он вполне мог бы сойти за бандита, если бы не бесконечная печаль во всей его позе: он сидел, привычно ссутулившись, как будто провел в таком положении не один год, и смотрел преимущественно вниз. Когда он все же поднял на нее глаза, его взгляд скользнул по ней небрежно, как по пустому стулу. На нем были черные брюки и темно-красный свитер, слишком тесные для него сейчас, – когда-то он, видимо, был мускулист, да и сейчас мускулатура еще могла сохраниться под отложениями многих лет дурной жизни.

Второму было под тридцать, он был высок ростом, хорошо сложен, светловолос и ослепительно голубоглаз. Он сидел, положив ногу на ногу, сцепив руки на коленке, словно дожидаясь своего заказа где-нибудь в бистро. Он приветствовал Лан вежливой улыбкой, но она была не в настроении отвечать ему тем же.

Кто они были, эти двое? Свет ламп на высоких ножках в центре стола выхватывал только их троих из полумрака комнаты; люди в сером стояли в тени. Вдруг полукруг разомкнулся с одного конца, и в комнате появились другие. Кто-то прошептал: «Селе Уртики», имя повторилось шепотом раз, потом другой. Уртика.

«Не может быть, – подумала она. – Ему-то что от меня может быть нужно?»

– Я император Уртика, – объявил вошедший. Он оказался красивее, чем она думала. Атмосфера в комнате изменилась с его появлением – в ней сгустился страх. – Справа от меня – следователь Фулкрот.

Гнедой следователь в малиновом одеянии сделал шаг вперед и тепло приветствовал всех, потом вернулся на свое место, а император продолжал.

– Вы трое, – объявил Уртика, – избраны не без причины. Все вы так или иначе связаны своим прошлым, и скажу вам со всей откровенностью – мы не колеблясь воспользуемся этими узами как противовесом тем исключительным дарам, которые вам вскоре предстоит получить.

– Думаешь, мне не насрать? – спросил широкоплечий. Он явно был не в духе. – У меня нет никаких причин делать то, о чем ты говоришь.

– Я много слышал о тебе, Вулдон, и признаю – твой случай отличается от двух других, – шепнул Уртика. – Мне понятна твоя горечь. У тебя иная мотивация – как и у тебя, Тейн. Я хорошо знал твою семью.

Худой подпрыгнул на месте и подался вперед, видимо взволнованный.

– На что вы намекаете?

– На этот раз я прощаю тебе твою грубость, – спокойно ответил Уртика. – Следовательно, пожалуйста, проинформируйте их обо всем. – И Уртика сделал румелю знак говорить.

– Благодарю, мой император, – ответил Фулкром с легким наклоном головы. И обратился к другим: – Тейн, тебе присуще неизменное желание делать добро, хотя твое представление о нем немного расплывчато. У тебя есть принципы, и это само по себе благо. Однако в Инквизиции ты лишней, и поэтому тебя предложили для этой миссии. Так что молчи и слушай... раз в жизни обрати внимание на то, что тебе говорят... и это принесет тебе благо... если будешь сговорчивым.

Тейн раздраженно откинулся на спинку кресла, по-видимому взвешивая, состричь или не стоит.

– Вулдон, когда-то ты был легендарным героем этого города. И сюда, в отличие от двух других, ты пришел по доброй воле. Императора Джохинна и его наследниц больше нет в городе, так что теперь ты можешь принести присягу Уртике, как тебе и предлагают. У тебя есть шанс вернуть себе то, что принадлежало тебе раньше. Мы можем тебе в этом помочь.

Судя по выражению лица Вулдона, им владела боль, копившаяся годами.

– И ты, Лан, – Фулкром повернулся к ней, – здесь тоже не случайно. Твое тело оказалось в высшей степени восприимчивым к культистским технологиям, насколько нам известно, а у нас как раз возникали проблемы с адаптацией в ранних экспериментах. Твое тело упруго и эластично, цирковая карьера дала тебе необходимые гимнастические навыки, так что ты идеально подходишь для своей роли. Я в курсе того, что происходило с тобой в последнее время, и мне кажется, что в нашем законодательстве отсутствуют нормы, позволяющие юридически осмыслить твое превращение. Мы согласны заполнить эту лауну, чтобы узаконить твою нынешнюю ипостась.

Ее разоружила его прямота и то, что он не пытался ее оскорблять: он знал ее историю и все же говорил с ней уважительно.

– И в чем будет заключаться наша роль? – поинтересовалась Лан.

– Вам, – вмешался Уртика, – предстоит стать Рыцарями Виллджамура, защитниками этого города. Это престижная роль.

«Так зачем тогда обращаться со мной как с куском дерьма?..»

– Вы, – продолжал он, – будете обеспечивать безопасность граждан этого древнего города и скоро станете одной из его реалий. Теперь, когда вам все известно, знакомьтесь друг с другом. Вам троим и еще Фулкрому предстоит проводить много времени вместе.

– А простите за любопытство, почему мы должны все это делать? – спросила Лан, не чувствуя никакого страха перед императором, – после всего, что она повидала, ее трудно было запугать. – Нам ясно, что мы нужны вам, точнее, что мы что-то для вас значим.

Все взгляды устремились к Уртике, ожидая, как именно проявится его гнев. Но тот лишь подался вперед, облокотившись на стол.

– А как тебе понравится, если тебя забьют в колодки и выставят к позорному столбу, а глашатаи на весь город объявят о том, кем ты была раньше? – Император зашел к ней за спину и, наклонившись, прошептал на ухо: – Культисты хорошо над тобой поработали, но толпе не много надо, чтобы впасть в неистовство, – тебя разорвут голыми руками. Мне не хотелось бы стать свидетелем такой сцены.

Пока Лан боролась с приступом страха, Уртика разглядывал комнату стоя.

– Еще вопросы?

– Это Шалев не дает вам житья, так? – спросил Вулдон, но император не ответил.

– Я думал, ты больше не интересуешься такими вещами, – сказал Фулкром.

Вулдон отвел взгляд, а Тейн, прокашлявшись, объявил:

– Я хочу сказать, что я определенно в деле. По-моему, идея просто супер.

– Не торопись лизать ему задницу, парень, ты же еще не знаешь, что с тебя потребуют взамен, – буркнул Вулдон, впервые поднимая взгляд. – Каковы будут наши обязанности? Если мы согласимся, то что мы должны будем делать? Уж наверняка не стоять в витрине, давая всем и каждому любоваться собой.

– Все детали объяснит вам Фулкром, а процесс вашей трансформации начнется уже сегодня вечером. Когда он завершится, вы станете грозной силой, способной противостоять любым опасностям, досаждающим нашему городу. Конечно, для этого вам придется еще потренироваться, но мы окажем вам всю необходимую поддержку, дадим жилье. Ты, Вулдон, недвусмысленно заявил, что у тебя нет никаких причин делать то, что мне нужно. Фулкром объяснит вам, что от вас потребуются и что вы получите взамен, а меня ждет Совет. Приятно было побеседовать с вами, надеюсь увидеть вас уже на службе.

Уртика развернулся на пятках и, кивнув Фулкрому, вышел. Небольшой отряд телохранителей материализовался точно из воздуха и окружил его.

Лан, Тейн и Вулдон нерешительно переглянулись в наступившей вдруг тишине.

Фулкром шагнул в круг света.

– Полагаю, всем интересно, что будет дальше.

Глава девятая

Фулкрому пришлось хорошо потрудиться, сглаживая оставленное Уртикой неприятное впечатление. Императора интересовали результаты, культистов – наука, и лишь на него одного была возложена обязанность объединить трех абсолютно разных людей в боевой отряд, достойный имени великого города. Более того, ввиду непривычного характера его новой работы его освободили от обычных инквизиторских дел и дали ему широкие, но неопределенные полномочия руководителя «Специального отдела» с непонятной пока специализацией. Но он не возражал. Все-таки это было что-то новое. Новое и интересное.

Сначала Фулком повел их в подземелья под Балмакарой, где культисты уже оборудовали свою чудесную лабораторию. Спускаясь туда по винтовой лестнице, они с удивлением оглядывались по сторонам. Под кирпичными сводами подвала стояли огромные, насыщенные энергией конусы и громко гудели. По гладким поверхностям полусфер размером с дом пробегали пурпурные искры. Полки прогибались под тяжестью разноцветных пузырьков и пробирок всех форм и размеров. Сам воздух в помещении казался живым, настолько он был напоен напряженным ожиданием. Все предвкушали тот миг, когда в этих стенах начнет твориться новая история.

Не меньше дюжины культистов в черных балахонах трудились при свете ламп у столов, нагруженных многочисленными склянками, проводами, раскрытыми заплесневелыми книгами. Как только Лан, Тейн и Вулдон вошли, их окружили и стали обращаться с ними с таким почтением, точно они уже обрели свои сверхъестественные способности и силы. Даже некоторые советники пришли полюбоваться на стадию, предшествующую превращению. Они пожимали руки трем избранникам, обменивались любезностями с культистами, а с Фулкомом говорили, как с членом королевской фамилии. Однако он знал, что эти политики испытывают страх перед всем, что могут сотворить культисты, а их присутствие – не более чем знак политической доброй воли.

Из троих избранных наибольшим энтузиазмом отличался Тейн. Ему было что терять, кроме неясных карьерных перспектив в Инквизиции, поэтому переключение на новую жизнь далось ему с особенной легкостью, и теперь он, сверкая глазами и зубами, шутил с культистами и чиновниками.

«Наверное, он и хорошим помощником следователя не стал потому, что ни к чему не умеет относиться всерьез».

Вулдон был жизнерадостен, как грозовая туча. Фулком еще раньше ясно сказал ему, что он может выйти из дела, когда захочет, но тот продолжал ворчать: «Все равно у меня ничего больше не осталось, поэтому я здесь. Можете называть это выбором, если хотите, для меня это наименее дерьмовая из всех дерьмовых возможностей на данный момент». Так что Фулком старался держать его подальше от тех, у кого глаза лучились надеждой и кто мог ждать от него более глубокой реакции.

Лан была энергичной женщиной. Именно она тревожила Фулкома больше других, поскольку он вовсе не был убежден в ее преданности новому делу. А если не удастся ее мотивировать, то от нее будет мало толку. Пока она здесь по принуждению, из-за своей тайны – и какой тайны! Изумляясь гению культистов, он с трудом верил тому, что она еще недавно была мужчиной, однако заставил себя вообще не думать об этом, чтобы не подпасть под власть предрассудков.

Всем троим отвели комнаты чуть больше тюремной камеры размером, но там были удобные кровати, хирургические приспособления, экран и лампы, свисавшие со сводчатого потолка. Там им предстояло ожидать событий, которые должны были изменить их жизнь.

Первой пришла очередь Вулдона. С ним все было просто, почти без риска – ему предстояло пройти через чуть более усложненную процедуру приращения, применяемую обычно к солдатам Ночной Гвардии. Ему необходимо было нарастить мускулатуру, укрепить связки и убрать следы старения, придав ему тем самым неповторимую силу. А заодно вернуть ему чувство собственного достоинства – качество, без которого он не был великой легендой прошлого и вряд ли имел шанс стать легендой настоящего.

Фулкром изучил все материалы на Вулдона, хранившиеся в Инквизиции. За годы функционирования в качестве городского героя он, по самым приблизительным оценкам, спас от смерти или увечий не менее трехсот двадцати трех жителей; предотвратил семь атак враждебных племен, осаждавших стены города; дважды спасал тогдашнего императора; предотвратил поджог разоренной Балмакары; спас учеников целой небольшой школы от маньяка с топором. Переоценить его заслуги было невозможно.

Фулкром задавал этому дремлющему гиганту множество ненавязчивых вопросов, надеясь преодолеть его нежелание говорить. Наконец как-то раз, сидя на кровати в своем несуразном белом халате, не скрывавшем устрашающе широких, уже подвергшихся усилению плеч, Вулдон заговорил. В первый раз Фулкром услышал от него связные слова вместо угрюмого хмыканья.

Он говорил о своей прежней жизни. И в особенности об Инквизиции.

– Не люблю я тех, кто щеголяет в этих цветах.

– Ты не исключение, – ответил Фулкром. – Я все знаю о твоём прошлом...

– То, что ты знаешь, – перебил его Вултон, – это история, вывернутая наизнанку. Ловкая выдумка, попавшая во все учебники. Основанная на поддельных документах.

– Тогда были другие времена, – взмолился Фулкром. – Другой император, другой режим.

– Думаешь, сейчас все иначе? Этим свои интересы тоже дороже всего прочего.

Вулдон продолжал говорить о своей жене, гламурной девчонке, которая плохо кончила, когда в его жизни все пошло наперекосяк.

– Она спилась и умерла оттого, что захлебнулась собственной блевотиной, пьяная, во сне, – сказал Вулдон. – Знаешь, каково это, следовательно, понимать, что ты убил свою жену? Точнее, даже не ты, а те, кто тебя подставил?

– Я... честно, Вулдон. Мне бы хотелось сказать тебе что-нибудь утешительное, но нечего; впрочем, я тоже потерял жену – если тебе, конечно, от этого легче.

– И ты виноват в ее смерти, румель?

Фулкром покачал головой:

– Скажу тебе одно – ты винишь себя в ее смерти, но это не совсем честно по отношению к тебе. Время проделывает порой странные штуки с нашими воспоминаниями...

Вулдон ответил ему тяжелым взглядом, и Фулкром тактично умолк. Где-то внутри этой горы обрюзгшей плоти еще жил умный и решительный человек, и он, Фулкром, должен был во что бы то ни стало выманить его наружу.

– Поговорим лучше о трансформации, – сказал он. – Как думаешь, ты уже готов стать частью отряда Рыцарей? Нам очень нужен твой неопределимый опыт, Вулдон. Ты был первым в своем роде, ты лучше всех знаешь, как это делается. У тебя есть шанс снова достичь своей прежней славы, доказать всем, что прошлое может ошибаться и что город опять может тебе доверять.

– Я через такое прошел, что мне теперь ничего не страшно, – сказал Вулдон, забрасывая ноги на кровать и вытягиваясь на ней с глубоким стоном. Свет потолочного фонаря отбрасывал на его лицо резкие тени, отчего оно казалось жестким, даже жестоким. – Все, что понадобится, я сделаю. Мне не из чего выбирать, но, раз уж мне все равно предстоит

пройти через трансформацию, я бы хотел измениться полностью – сменить имя. Раньше я был Легендой – пусть она останется в прошлом. Останется легендой, мифом.

Фулкром вышел из его комнаты и направился ко второму Рыцарю, разминувшись по дороге с группой культистов и хирургов с футлярами и бутылками.

Он застал Тейна на кровати, где тот возлежал, опершись на руку, перед тарелкой какой-то еды, – император за трапезой, да и только.

– Фулкром, старина, еда здесь просто супер. Я только что прикончил целую гору таких фруктов, каких раньше не то что не пробовал – даже не знал, что они бывают.

Фулкром принужденно засмеялся.

– Надеюсь, ты хоть на этой работе посерьезнеешь.

– Наверняка. – И он продолжал пожирать фрукты, широко улыбнувшись Фулкрому. Ему он тоже предложил.

– Пока непохоже, – заметил Фулкром, вежливым жестом отказываясь от предложения.

– Я полжизни пропыхтел над экзаменами в Инквизицию и так ничего и не добился. А тут мне предлагают прямой путь на самый верх, минуя дурацкую постовую службу и замшелые юридические тексты. И ты еще думаешь, что у меня есть причины чувствовать себя менее чем счастливым? Мне всегда хотелось помогать людям, а когда я стану Рыцарем, у меня будут для этого все шансы.

– Ладно, ладно, только не думай, что все будет так легко и просто. Тебе предстоит трансформация, Тейн, – глубокая переработка всего твоего тела. Тотальное изменение. Курс айлурантохирургии. Ты хотя бы знаешь, что это значит?

– Мне говорили что-то о кошачьих способностях...

– Веркот, Тейн. Ты станешь наполовину диким зверем.

– Во-во, тигром, точно. И никакие они не дикие. Скорее, царственные, судя по тому, что я о них слышал. А это меня вполне устраивает.

Фулкром чувствовал растущее раздражение. Как можно быть таким легкомысленным?

– Пойми, Тейн, обратная перемена невозможна. Ты навсегда останешься наполовину котом. У тебя изменится психология.

– Фулкром, чтобы достичь чего-то в жизни, часто приходится рисковать. Конечно, я немного волнуюсь...

Громкий мужской вопль пронесся по коридору, сопровождаемый треском вроде статического электричества.

Фулкром склонил голову.

– Это ждет и тебя, – надеюсь, ты понимаешь.

Тейн слегка побледнел.

– Это что... больно?

– Конечно, болван ты эдакий. У тебя потом несколько дней все будет болеть, и ты... – Фулкром задавил свои эмоции. – Слушай, давай там без шуток, не пытайся заговаривать зубы какой-нибудь хорошенькой культистке и, Бора ради, делай, что тебе говорят. Для твоего же блага.

Последней Фулкром посетил Лан. Ей предстояло пройти через самую сложную операцию, ее трансформация должна была стать самой глубокой из всех, и он молил...

«Кого? Бора? Да нет, добрый Бор вряд ли имеет какое-то отношение к таким штукам». В общем, какие бы силы ни отвечали за подобные превращения, он от души надеялся, что ее тело справится.

Когда он вошел, Лан, сидя на самом краешке кровати, смотрела в огонь в камине и так задумалась, что казалась неживой.

– Прости, что снова заставляю тебя пройти через все это, – сказал Фулкром.

Лан только пожала плечами.

– Значит, ты единственная из трех, кто здесь не по своей воле?

Лан подняла голову, и он обратил внимание на то, что, при всей своей стройности, она обладает мускулами тугими и, видимо, крепкими, как веревки. Что-то знакомое померещилось ему в ее лице – тень другого лица, которое он знал раньше...

«Нет. Не думай о ней теперь». У Лан были темные длинные волосы, густая челка и обкусанные ногти. Карие глаза смотрели словно издали, и он спросил себя, не сама ли она определила эту дистанцию между собой и другими, чтобы выжить.

– Я об этом думала, – сказала она. – Я против того, что меня держат здесь силой, точнее, используя против меня знание обо мне. В остальном все в порядке – хотя попросить можно было и повежливее.

– У нас и на других есть компромат, только вряд ли тебе от этого легче. Мера предосторожности, если хочешь, которая не позволит вам после использовать свою силу против империи, – а еще я хочу подчеркнуть, что и сам не согласен с подобными методами работы, они не в моем стиле, однако обстоятельства требуют от тебя подчинения императорской воле.

Лан смотрела на него задумчиво, видимо анализируя его слова. Ему это понравилось.

– У меня были кое-какие деньги, – продолжила она, – но я знала, что искать работу мне рано или поздно придется, как знала и то, что для женщин выбор на рынке труда невелик.

Тут она уперлась в него твердым вызывающим взглядом.

– А здесь... – Лан обвела комнату рукой, – здесь не так уж и плохо. Немножко высокопарно на мой вкус, но ничего, жить можно. Так что, знаешь, могли бы просто взять и пригласить меня на эту работу, а не оскорблять.

– Они прибегают к запугиваниям, чтобы добиться своего. Но я, работая в Инквизиции, давно понял, что к людям надо относиться с уважением, кем бы они ни были, это скорее принесет нужный результат. И я на их месте так бы и поступил.

– Вы мне нравитесь, следовательно Фулкром, – смело сказала Лан. – По-моему, вы первый человек на Джокулле, который отнесся ко мне как к равной.

Слава Бору.

– Однако, – продолжила она, – по-моему, это ненормально, когда у человека вашего положения такая чистая обувь.

Он взглянул на свои начищенные до зеркального блеска сапоги, но удержался от ответа.

– Лан, через несколько минут культисты... сделают с тобой то же, что делают сейчас с Вулдоном и Тейном. К сожалению, это будет не слишком приятно.

– Культисты, – повторила за ним Лан. – Я замечала, что им свойственно относиться ко всем как к подопытным, а это тоже равенство в своем роде.

– Зато они дают массу новых возможностей, я имею в виду трансформации, – настаивал Фулкром. – Особенно твои.

– Сила тяжести, – шепнула она. – Так они, кажется, говорили?

– Да. Они вживят тебе металлические пластины и еще какие-то штуки, которых я не понимаю, – они повысят твою мобильность и позволят тебе менять степень воздействия силы тяжести на твоё тело. Интересно будет посмотреть, учитывая твои цирковые навыки. – Сделав паузу, он вдруг поймал себя на том, что хотел бы вообще побольше знать о ее прошлом. Она казалась ему такой хрупкой; неприятно было даже думать о боли, через которую ей предстояло пройти. – Так мы можем доверять тебе, Лан? Я предпочел бы, чтобы ты работала с нами по доброй воле, а не потому, что тебя заставили.

– Скажите, – ответила Лан вопросом на вопрос, – мы трое – эксперименты? Такое уже пробовали на ком-то раньше? Мне уже приходилось иметь дело с культистами, как вы знаете, но те были очень последовательны и все мне рассказывали. А эти все прячут и ничего не говорят.

– Сама процедура отработана, как я понял, довольно давно, правда втайне, а император узнал о ней всего несколько дней назад и сразу ухватился за возможности, которые дают созданные таким путем люди.

– А что стало с другими?

– С какими другими?

– С теми, на ком это испытывали?

Фулкрому захотелось сменить тему.

– Наука продвинулась далеко вперед, Лан, – вот все, что тебе надлежит знать; остальное, к сожалению, разглашению не подлежит.

Когда он уже повернулся, чтобы выйти, она сказала:

– Шалев – это все из-за нее? Вулдон говорил о ней.

Фулкром медленно вернулся, обдумывая ее слова.

– Да, верно. Мы считаем, что это она стоит за всплеском криминальной активности в последнее время. А ты о ней что-то знаешь?

– Когда я была на Исле, у культистов, они упоминали ее имя. Я еще удивилась, что это, оказывается, женщина.

– Почему же ты молчала? – спросил ее Фулкром, всеми силами сохраняя спокойствие.

– Ну так меня никто не спрашивал.

– И что ты о ней знаешь... ну, о Шалев?

Лан сказала:

– Да почти ничего. Слышала только, что она сбежала. Это было, когда я... ну, вы понимаете.

Фулкром согласно кивнул.

– Она кого-то убила, несколько человек, на Исле. Странные у них там порядки – вообще культура непонятная, – но ей там были не рады. И отправили ее на безлюдную часть острова, вроде как в ссылку, – хотя какая там ссылка, у них ведь даже законов нет. А потом она исчезла. Похоже, она была не такой, как все на том острове. И у нее свои счеты с империей – из-за родины. Вот все, что я о ней знаю, клянусь.

– Спасибо, Лан. Мы и этого не знали.

В тот же вечер Фулкром, полулежа в огромном кресле в кабинете рядом с главной операционной и щурясь на свет единственного фонаря, потягивал горячий чай со специями. Рядом с ним лежал раскрытый блокнот, в который он время от времени записывал свои соображения о том, как превратить Рыцарей в действенную силу, способную свести на нет волну преступности в городе. Еще он записал туда свои размышления о Шалев, основанные на информации, полученной от Лан: похоже, что эта женщина вела свою войну с империей и, мстя за что-то в своем прошлом, целенаправленно уничтожала все, что было дорого их городу.

Он дождался, когда крики Рыцарей стихнут и трансформации перейдут в более глубокую стадию. Закрыв глаза, он думал, как страшно будет, если пережитая ими сейчас боль навсегда отравит им жизнь. Параллельно он размышлял о том, что в наружности Лан спровоцировало его память. «Адена... Конечно, кто же еще!» Воспоминания о погибшей жене и то, что он нашел в себе силы признать, что думает о ней, разоружили его.

Вдруг в комнату вошел Уртика, взбодренный очередным заседанием Совета.

Фулкром поднялся на ноги и поклонился, приветствуя его.

– Селе Уртики, мой император.

– Поменьше придворных фокусов, следовательно, – заявил Уртика и знаком велел ему сесть.

Пройдясь по комнате туда и обратно, Уртика остановился за креслом Фулкрома и вдруг опустил ладони ему на плечи. Фулкром заметил, что длани властелина дрожат. «Что это с ним, нервничает, что ли?»

– Они были правы насчет тебя, – объявил Уртика.

– В чем именно, мой император? – поинтересовался Фулкром.

Император обошел кресло и встал к следователю лицом, загородив собой фонарь на столе.

– В том, что ты и вправду как никто умеешь убеждать. По крайней мере, с этими неудачниками ты справился. Они еще никого так не слушали, как тебя. Давай договоримся: я не люблю тупиц и лентяев. – Уртика ненадолго умолк, словно обдумывая, что сказать дальше. – Но я хочу верить, что люди этого города будут с замиранием сердца следить за твоими достижениями, следовательно. Я... я не многим доверяю в Балмакаре. Люди здесь все время чего-то от меня хотят, ждут моей милости.

«Это что еще за промывка мозгов?»

– Я не прошу вас верить мне, – сказал Фулкром. – Мы будем работать. Вы увидите результаты.

– Результаты – вот именно. – Уртика вдруг встрепенулся и заговорил уже совсем иначе: – Я должен видеть результаты, а горожане – избавиться от своих страхов. Ответственность за это возложена на тебя, как на отличного организатора и дельного профессионала, так что смотри не подведи.

– Мой император, – отвечал Фулкром, – для меня честь служить вам и городу.

– Вот и замечательно, – сказал Уртика. – А если не справишься, я прикажу тебя убить.

С этими словами он вышел, оставив его считать участвующий пульс. Выбирать Фулкрому не приходилось: или соответствовать внезапно навязанной ему роли, или расстаться с жизнью. С другой стороны, все-таки возможность изменить хоть что-то к лучшему в городе.

Такая возможность давалась в Виллджамуре далеко не каждому.

Глава десятая

Советник Мевун вышел из своего временного кабинета и, шаркая, двинулся вглубь императорской резиденции. Чиновник в зеленой с серым одежде, он шел бесконечными сияющими коридорами, осмысляя попадавшиеся на пути украшения, портреты и мраморный пол. Да, неплохое местечко для работы.

Он вежливо улыбался представителям администрации, которые пробегали мимо с озабоченными лицами и кипами официальных документов в руках, и только раз остановился, чтобы взглянуть на свое отражение – плешивая седая голова и поплывшая линия талии – в золоченом зеркале. Новичок у власти, Уртика задал им такую гонку, что последние месяцы пролетели незаметно. Мимо него по коридору шла стройная молодая женщина, бывшая служанка советника Болла, убитого несколько месяцев назад. Увидев его, она улыбнулась довольно приторно, но ее нежная молодая кожа и рыжие кудряшки все равно составляли приятный контраст с бумагами, от которых он почти не отрывался в последнее время.

Девушка допустила ошибку – задала ему вопрос:

– Доброе ли у вас сегодня утро, советник?

Мевун не упустил случая излить ей свое волнение касательно положения в городе.

– Нет, пока ничего доброго, – ответил он.

– О? – спросила она удивленно, с неудовольствием осозная, что обречена теперь поддерживать разговор, хочет она того или нет.

«Круто», – подумал он.

– Да, ничего хорошего. Беженцы мрут как мухи прямо на пороге города, и ничего нельзя поделать. Не пускать же их внутрь, в самом деле, когда у нас самих едва хватает ресурсов. А потому трупы счастливых сжигают на кострах, а те, кому меньше повезло, гниют в снегу, распространяя заразу. На северном фронте идут ожесточенные бои, которые тоже истощают наши силы. Да еще эта бесконечная зима... Она усложняет все решения, связанные с доставкой продовольствия и других грузов.

– Виллджамуру помогают такие умные люди, как вы, советник, – это облегчает наше бремя, – промурлыкала девушка.

– Ах, можно ли быть столь неопытной в мирских делах! Столь наивной! Я вам даже завидую.

Она устремила взгляд мимо него и промолчала. И хорошо сделала. Иначе он выплеснул бы на нее свое раздражение по поводу того, что в Балмакаре, похоже, все знают, как организовать военную кампанию, а вот вовремя забрать в стирку его белье никто не в силах.

Мевун повернулся, чтобы уйти, и тут же услышал торопливую поступь девушки, которая бежала прочь.

Лавируя между слугами, оживленно метавшимися с утра с подносами, Мевун вышел из самого сердца Балмакары куда-то на край крепости и покинул ее через боковой вход – это была идея Уртики. Все эти ухищрения секретности не то чтобы раздражали Мевуна, но вызывали у него ощущение, что император немного... не в себе.

Снаружи оказалось чертовски холодно. Даже на задворках Балмакары, где под защитой могучих базальтовых стен советника ждал великолепный стреловидный экипаж, приобретенный недавно специально для Совета. Гнедая кобыла стояла мрачная, окутанная облаком пара, в который превращалось на морозе ее дыхание; зима и до нее дотянулась своими ледяными щупальцами.

– Доброе утро, советник. – Крепкий старик, его кучер, вытянулся перед ним в струнку и распахнул дверцу экипажа – огромного сооружения из темного дерева с рубиново-красной отделкой. Мевун, пригнув голову, пролез внутрь и со стоном опустился на подушки.

– Благодарю, Эдсан, – ответил он на приветствие кучера, оказавшись в роскошном теплом нутре экипажа.

– Куда сегодня, сэр? – спросил кучер.

– На крытый ирен, пожалуйста.

– Он уже работает, сэр?

– Нет, еще нет, но скоро будет – я как раз еду туда, чтобы посмотреть, все ли готово к церемонии открытия.

– Очень хорошо, советник. – Эдсан захлопнул дверцу, и Мевун сквозь маленькое окошко в ней проследил, как он протопал к своему месту на облучке. Что-то громыхнуло, раздались короткие слова команды, и под скрип рессор огромные колеса закрутились, экипаж сорвался с места и вылетел из ворот.

Мевун забился в угол дивана, порылся в карманах и вытащил самокрутку и спички. Пару минут спустя он уже самозабвенно курил, откинувшись на спинку дивана и наслаждаясь потоком городских звуков, которые как бы протекали прямо сквозь него: крики торговцев, резкие голоса военных, гром колес и цокот копыт по булыжной мостовой. Снаружи выглянуло из-за туч солнце, облив город густым красным лаком. Снег потек с крыш между холмиками дымоходных труб на землю, а ребятишки внизу радовались и бросались снежками. Вот они выехали, кажется, на площадь – запахи стряпни приятно зашекетали ноздри...

Что-то коричневое мелькнуло за окном кареты.

«Что это?»

Что-то загрохотало по полу.

Мевун подтянулся к окну и увидел спину человека в коричневом плаще, который быстро бежал прочь от кареты туда, откуда она приехала.

Нахмурившись, он вдруг услышал какой-то свист и ощутил запах паленого, и тут же все нутро кареты вспыхнуло невероятно ярким светом, раздался грохот, столб пламени взметнулся к потолку, и он ощутил, как горит его кожа...

– Фулкром, поди сюда.

Фулкром, осторожно перешагивая через куски обугленной древесины, приблизился к Варкуру. Судя по лицу начальника, тому не особенно нравилась эта бойня, и кто мог его осудить? Обломки разлетелись в разные стороны шагов на сто: ошметки плоти лежали вперемишку с обгорелыми деревяшками, а немного в стороне лежал почерневший и искалеченный лошадиный труп. Даже Фулкром, повидавший на улицах Виллджамура немало всякого, и то морщился при виде такого. В данный момент в городе как раз не было снега, и следовательно жалел, что его нет: хоть бы немного прикрыть это безобразие.

Ближний ирен уже закрыли, продавцов держали внутри, а покупателей разворачивали, направляя на другие улицы. Не исключено, что взрывом зацепило и кого-то из прохожих, в этой мясорубке ничего было не разобрать. Помощники инквизиторов уже вытаскивали из обломков кареты останки, собирали улики, обшаривая каждый миллиметр пожарища с блокнотами в руках.

– Что ты тут делаешь – тебе разве не положено присматривать за Рыцарями? – резко бросил Варкур.

– Я услышал о происшествии и примчался, как только смог. Похоже, без помощи военных нам тут не обойтись.

– Если предчувствие меня не обманывает, нам понадобится любая помощь, какая только бывает. Знаешь, чьих это, по-моему, рук дело?

– Вы тоже видели флаг?

– Какой еще флаг, где?

– На стене, вон он. – Фулкром указал на старую постройку из красного кирпича между двумя белеными магазинами. С одного из ее подоконников свешивался черный флаг: точно такие находили в последнее время повсюду, где совершали свои преступления анархисты.

– Ох уж мне твоя наблюдательность!.. – проворчал Варкур. – Я уже не так молод, как раньше, – пропуская даже самые очевидные вещи.

Тут к ним подбежал, запыхавшись, один из помощников – рыжеволосый молодой человек:

– Сэр, у нас есть информация о случившемся.

Экипаж был новым – на досках сохранились следы имперского герба, – но ничего хорошего внутри не находилось, только останки политика. Это был советник. Помощник узнал его имя – Мевун, он ехал из Балмакары.

Фулкром знал это имя, хотя лица не помнил, – однако звания было достаточно. Да, советников время от времени убивали, в том числе и в последние месяцы, однако обычно все было шито-крыто.

– Прямо театр какой-то, хоть билеты продавай, – сказал Варкур.

– Те, кто это сделал, так все и задумали, – добавил Фулкром. – Мы знаем, что анархисты любят устраивать шоу из своих преступлений. Они наверняка знали, что советник проедет этим путем, или проследили его от ворот Балмакары.

Варкур с отвращением покачал головой:

– Когда это они успели стать такими продвинутыми?

– Хотите, чтобы я занялся расследованием этого дела, сэр? – спросил Фулкром.

– Хоть я не слишком-то доверяю указаниям сверху и нам бы не помешало, чтобы кто-то вроде тебя приглядывал за ходом расследования, но у тебя сейчас слишком много забот с этими Рыцарями, – отмахнулся от него Варкур.

– У нас у всех много работы, сэр, – ответил Фулкром.

– Возможно, что с этих пор все следователи и так будут работать вместе. А это значит, что мы передаем весь контроль над беженцами снаружи в руки военных.

«И что военные сделают с ними при режиме Уртики, мне ли не знать», – подумал Фулкром мрачно.

– Значит, так, – продолжал Варкур, – ступай пока нянчить своих Рыцарей, да подготовь их так, чтобы впредь они смогли предотвращать преступления вроде этого. Если новостному листку императора можно верить, работы у них будет хоть отбавляй. Так что они станут знаменитостями. Все и так уже знают их и в лицо, и по имени. Не знаю даже, как они при такой славе к преступникам будут подбираться. Ну, я пока пойду, займусь организацией расследования. Посмотрим, может, удастся найти что-то общее с другими делами или вытянуть новую ниточку. Пока-то ничего не понятно, один сплошной туман, хоть гадалок с раковинами зови – может, хоть они подскажут, что это за анархисты такие и где их искать.

Варкур поддал сапогом обгорелый кусок доски, и она, пролетев над мостовой, с грохотом врезалась в стену. Нескольким прохожим удалось-таки просочиться на место преступления через кордон охраны, а из ближайших окон гроздьями висели жители, даже несмотря на холод, – их грело любопытство. Двое помощников-людей осматривали останки и собирали куски тел в большие металлические контейнеры. Да, немало времени понадобится, чтобы убрать все это.

– Эти твои Рыцари – смотри, они должны быть мастерами своего дела, – проревел Варкур издали и окончательно утопал в темноту.

«Разве три человека могут изменить что-то в нашем мире?» – подумал Фулкром.

Глава одиннадцатая

После нескольких дней пути, когда солнце уже собиралось опуститься за горизонт, Дартун объявил остановку. Он вдруг сделался очень внимателен к тому, что их окружало.

– Нас преследуют, – объявил он, и дыхание облачками пара вырвалось у него изо рта. Козырьком приставив ко лбу ладонь, он внимательно вглядывался в снежную даль.

– Что будем делать? – отозвалась Верейн.

– Встретим преследователей лицом к лицу. – Его голосу не хватало прежней гибкости интонаций. Для человека, которому подарили новую жизнь, он казался на удивление безжизненным.

– Зачем? – спросила Верейн.

– Затем, что я чувствую, что это помеха, которую надлежит убрать с нашего пути.

«„Чувствую“? Что же ты раньше ничего такого не чувствовал? Не может же он иметь в виду интуицию – это идет вразрез со всей его прежней философией».

– Кто нас преследует? – настаивала Верейн. – И где они?

– Прямо на юг отсюда, их база в небольшом лесу.

«Как он может знать такие вещи?» – подумала она, пытаясь проследить направление его взгляда, но не видя ничего, кроме пустынного снежного поля.

– Они принадлежат к этому миру.

И то утешение. Значит, они больше не увидят той жути, которую совсем недавно оставили за Вратами. Дартун как будто приняховался. Это поразило ее, но еще больше ее напугала его зловещая улыбка.

– Их послали за нами в погоню, может быть – даже с заданием уничтожить нас. Хотел бы я посмотреть, что у них получится. – Дартун снова сделал знак продолжать путь, собаки налегли на постромки, веревки натянулись, облачка снега полетели из-под лап, и сани медленно тронулись с места.

Верейн беспокоили перемены, произошедшие с Дартуном: с момента их возвращения он ни разу даже не прикоснулся к реликвии, не обратился к технологической магии древних людей.

«А кстати, где вообще реликвии?» Когда она заговорила об этом с Дартуном, он словно не услышал. Это так не походило на человека, который спас ее от сиротской доли, оценил ее ловкость в обращении с реликвиями, принял ее в великий орден Равноденствия, открыл ей сначала свое потайное святилище, а затем и свое сердце, и который всегда был так добр к ней. Теперь в его обращении было не больше тепла, чем в ледяном ветре, наотмашь хлеставшем ее по лицу.

Монотонность ландшафта нарушали только развалины каких-то сараев, брошенных деревень да покосившиеся церковные шпили. Погода была ужасной. Зверски мерзли руки и ноги, ветер яростно швырял пригоршни снега в лицо, так что болела кожа. Время от времени, когда с нее слетал капюшон, она закрывала глаза и съеживалась, словно желая укрыться от буйства и ярости стихий внутри самой себя.

Прошло немного времени, и Верейн, не чуя под собой ног, повалилась с саней головой в сугроб.

Мир вокруг нее был расплывчатым – какие-то образы смутно проступали сквозь туман, не больше. Придя в себя, она увидела Дартуна, который, стоя перед ней на коленях, вливал горячую жидкость ей в рот.

Минуты шли, а она все смотрела и смотрела на него снизу вверх. Они стояли недалеко от того места, где был разбит лагерь. Натянутые на палки куски парусины защищали от ветра, горел огонь.

Дартун глядел на нее, и под его взглядом она вдруг почувствовала себя мухой, предметом его научных изысканий.

– Силы скоро вернуться к тебе, – сказал он, скорее констатируя факт, чем ободряя ее. – С моей стороны было глупо гнать так сильно. Один урок я усвоил – там, где пройду я, другие пострадают.

– О ч-чем т-ты? – переспросила она.

– О том, что там, за Вратами, со мной сделали такое, что позволяет мне переживать многое, тогда как вы... Ну конечно, вы же остались такими, как были. – Последние слова он произнес, едва ли не ликуя.

– Я бы так не сказал, – буркнул другой культист, Туунг, лысый мужчина, который с сомнением относился к этому начинанию Дартуна еще до того, как они вошли во Врата. – Я, например, зачоченел, отморозил себе все, что можно, и оголодал. А еще я жутко зол. Раньше со мной такого не бывало, слово даю.

Дартун рассмеялся так, словно он был единственным среди них взрослым, а они все – милыми, наивными детьми.

– Одно хорошо, – продолжал Туунг, глядя в огонь. – Мы хотя бы живы. – Во взгляде, посланном им Верейн, она прочла вопрос: «А помнишь, как умерли другие? Помнишь, как они страдали, как над ними издевались перед концом?»

– Почему нас отпустили, Дартун? – спросила Верейн, дрожа от холода.

Долгое время слышен был лишь вой ветра, летевшего по снежной равнине.

– Потому, – сказал Дартун, – что нам предстоит здесь кое-что для них сделать. Именно мы будем работать на них.

И тут она вспомнила. Образы всплывали из небытия, образуя в ее голове рисунок.

Будто зрительное эхо недавних событий.

Резня на Тинеаг'ле, которую они видели еще до того, как шагнули за Врата. Деревни, где снег был залит кровью, труп в ванной, мертвые тела самых молодых и самых старых, валяющиеся позади какой-то таверны, как выброшенная требуха. Тогда она еще думала, что это издержки войны, невинные жертвы вторжения. Теперь она знала точно, зачем твари в черных панцирях угнали с Тинеаг'ла всех жителей, почему остров был зачищен до последнего человека. Ах, как бы ей хотелось этого не знать.

В том, другом мире люди считались конечным, но необходимым ресурсом. Для одной из тамошних культур люди, их тела, служили чем-то вроде органической, живой руды – ни более ни менее. Там людей отправляли на фабрики смерти, к дьявольским торговцам костями, – это был товар, необходимый им для ведения войны, на которой они сами были лишь наемниками; позже их выбрасывали, как отработанный материал.

Так что ее вопрос был отнюдь не праздным: если в том мире человеческие кости были столь важным ресурсом, то почему же им позволили уйти?

Наутро культисты из ордена Равноденствия продолжили свой путь на юг. Горизонт впереди растворился в дымке. Солнце прорывалось сквозь облака, бросая розоватые отсветы на снег. Далеко протягивались тени, выдавая присутствие незнакомых предметов.

И людей.

Дартун натянул поводья, и собаки сначала заскользили по снегу, а потом остановились. Он протянул руку, указывая на колонну путников, которые медленно продвигались с юга на север, и, пока Верейн щурилась, приглядываясь к ним, Дартун соскочил с саней и присел рядом с одной из собак на колени.

Сливочного цвета пес с серой полосой на морде не скулил возбужденно, как другие, в его движениях было нечто почти механическое. Дартун прижал свою голову к голове собаки и что-то зашептал; пес слушал его, внезапно им овладело жутковатое оживление. Он бросился навстречу незнакомцам, взрывая лапами снег, со скрежетом вырывая когтями из льда мелкие кристаллы, которые облачками искрящейся пыли повисали в воздухе.

Дартун встал и, прикрыв одной рукой глаза, стал спокойно наблюдать.

Одно было очевидно: Папус намеревалась его убить. Но, проплыв и проехав половину Архипелага, оставив позади комфорт и блага цивилизации, она по-прежнему ни на шаг не приблизилась к своей цели. Папус кляла погоду, кляла остров Тинеаг'л и империю. Но сильнее всего она кляла саму себя. Зачем она поддалась соблазну поквитаться с Дартуном? Почему позволила стремлению быть во всем первой возобладать над здравым смыслом?

«Нет, я совершаю доброе дело», – напомнила она себе.

Дартун заставлял трупы ходить по острову Джокулл, а его банда культистов постоянно угрожала ее собственному ордену Даунира, старейшему и наиболее многочисленному из всех культистских объединений, гиджей которого – то есть самым старшим членом – она была. Дартуна надо было остановить, но у нее возникло сомнение: а что, если... если это невозможно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.